UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00014452549

„ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА“
подъ редакціею профессоровъ
И. И. Иванюкова, А. С. Посникова,
и В. П. Воронцова (В. В.).

Попытки ограниченія самодержавія

въ XVIII и XIX столѣтіяхъ.

Составилъ
Н. Д. Носковъ.

Безплатное приложеніе
къ „БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ
Второе Изданіе“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія С. М. Проппера, Галерная ул., с. д., 40.
1906.

DK127
.P66
1906

„ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА“
подъ редакціею профессоровъ
П. И. Иванюкова, А. С. Посникова,
и В. П. Воронцова (В. В.).

Попытки ограниченія самодержавія

въ XVIII и XIX столѣтіяхъ.

Popytki
ogranicheniia
samoderzhaviia

Составилъ
Н. Д. Носковъ.

Безплатное приложеніе
къ „БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ“
Второе Изданіе“.

1906.

нотнафія С. М. Проппера, Галерная ул., с. д. 40.

I.

Статья первая основныхъ законовъ Россійской имперіи такъ опредѣляетъ свойства власти, принадлежащей монарху: „Императоръ Россійскій есть монархъ самодержавный и неограниченный. Повиноваться верховной Его власти не только за страхъ, но и за совѣсть Самъ Богъ повелѣваетъ".

Разсматривая три указанныя свойства монархической власти въ Россіи (верховность, самодержавіе и неограниченность) профессоръ Коркуновъ *) замѣчаетъ: „Обозначеніе власти монарха верховною показываетъ, что ему принадлежитъ высшая безотвѣтственная власть въ государствѣ, какъ это имѣется въ каждой монархіи. Самодержавіе и неограниченность показываютъ, что вся полнота власти сосредоточивается у насъ въ рукахъ монархіи".

Другими словами, по выраженію профессора Градовскаго **), „права государственной власти, во всемъ ихъ объемѣ, принадлежатъ Государю Императору. Нѣтъ той сферы управленія, которая бы не была подчинена его самодержавію. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы Императоръ осуществлялъ всѣ свои права непосредственно. Правильная организація

*) Проф. Н. М. Коркуновъ. Русское государственное право. Т. 1-й.

**) Собраніе сочиненій проф. А. Т. Градовскаго т. 7-й. Начала русскаго государственнаго права. Ч. 1-я.

монархіи предполагаетъ существованіе посредствующихъ властей, дѣйствующихъ именемъ Императора, но самостоятельно, въ кругу предоставленныхъ имъ дѣлъ".

Эти „посредствующія власти, дѣйствующія именемъ Императора", въ сущности, присвоили у насъ давно себѣ всю власть и явились, дѣйствительно, самодержавной бюрократіей.

Актомъ 17-го октября 1905 года неограниченная монархическая власть въ Россіи признала себя ограниченной. Она рѣшила, идя навстрѣчу требованіямъ народа, раздѣлить власть съ его избранниками, „довѣріемъ облеченными представителями, безъ одобренія которыхъ „ни одинъ законъ не можетъ воспріять силу закона". Съ момента собранія первой Государственной Думы, въ какомъ бы составѣ она ни явилась, нельзя уже будетъ повторить слова Градовскаго, что въ Россіи „нѣтъ той сферы управленія, которая не была бы подчинена неограниченному самодержавію монарха".

Является вопросъ: тождественны-ли понятія самодержавіе и неограниченность? Можетъ-ли явиться ограниченный самодержецъ?

Изслѣдуя этотъ вопросъ и сопоставляя понятія: самодержавный и неограниченный— проф. Коркуновъ приходитъ къ выводу, что ими законодатель хотѣлъ обозначить два различныхъ свойства власти. Выраженіе (въ учрежденіи Императорской Фамиліи § 71) „неограниченный самодержецъ" какъ бы предполагаетъ, что можетъ быть самодержецъ и ограниченный.

Еще Сперанскій придавалъ понятію „самодержавіе" два смысла: въ приложеніи къ государству, какъ указаніе на его внѣшнюю независимость, и въ приложеніи къ государю, какъ обозначеніе „соединенія всѣхъ стихій державнаго права во всей полнотѣ ихъ безъ всякаго участія и раздѣленія".

Хотя по формѣ Сперанскій и раздѣляетъ

эти два понятія, но по содержанію они у него сливаются. Градовскій также проводитъ различіе между этими понятіями. Онъ разсматриваетъ названіе „неограниченный“ въ томъ смыслѣ, что воля монарха не стѣснена извѣстными юридическими нормами, поставленными выше его власти. Выраженіе же „самодержавный“ означаетъ, что „русскій императоръ не раздѣляетъ своихъ верховныхъ правъ ни съ какимъ установленіемъ или сословіемъ, т. е., что каждый актъ его воли получаетъ обязательную силу, независимо отъ согласія другого установленія“.

Однако, по вѣрному замѣчанію проф. Коркунова, и въ такомъ опредѣленіи самодержавіе и неограниченность сливаются воедино, такъ какъ существованіе „юридическихъ нормъ, поставленныхъ выше воли монарха, возможно, конечно, только подъ условіемъ раздѣленія верховныхъ правъ между нимъ и другими установленіями“. По мнѣнію того же автора, сводъ законовъ, „опредѣляя власть монарха, какъ самодержавную, неограниченную, не обозначаетъ этими словами различныхъ ея свойствъ, а для большей ясности одно и то же свойство опредѣляетъ двумя однозначущими словами“, т. е. „понятіе самодержавія объемлетъ собою понятіе неограниченности, въ смыслѣ сосредоточенія въ рукахъ монарха всей полноты государственной власти“.

Главнымъ отличіемъ государства съ неограниченной самодержавной властью отъ деспотіи является—законность. Государь сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ всю полноту верховной власти, но осуществляетъ ее правомѣрно *). „Черезъ это, по мнѣнію Градовскаго, „установляется юридическій, правомѣрный характеръ русскаго государственнаго устройства, въ отличіе отъ формъ произвольныхъ, деспотическихъ“.

---

*) Ст. 47-я основныхъ законовъ Рос. Имп.

Хотя начало законности въ русскомъ государственномъ быту не явилось результатомъ какого-нибудь одного законодательнаго постановленія, а сложилось „какъ плодъ развитія государственной жизни“, но все-таки „самоограниченіе власти правомъ составляетъ необходимое условіе каждаго сколько-нибудь развитого государства“.

Первымъ основаніемъ, заставляющимъ власть признавать свое самоограниченіе и подчиняться началамъ права, по мнѣнію Коркунова, является чувство законности, лойяльности, составляющее „одно изъ надежнѣйшихъ обезпеченій силы и прочности государственной власти“. „Чувство это можетъ развиться въ гражданахъ только при томъ условіи, если сама власть въ своей дѣятельности будетъ имъ являть примѣръ строгаго уваженія права“. Вторымъ основаніемъ является строгое подчиненіе дѣятельности всѣхъ органовъ власти опредѣленнымъ законамъ.

Если верховная самодержавная власть тѣмъ же актомъ 17-го октября признала свое самоограниченіе, то исполнительные органы бюрократической власти до сихъ поръ далеки отъ подчиненія своей дѣятельности опредѣленнымъ законамъ. Самодержавная бюрократія до сихъ поръ пишетъ свои законы, даже вопреки ясно выраженному повелѣнію, что ни одинъ законъ не можетъ воспріять силы закона, не пройдя черезъ Государственную Думу.

Право и законность на Руси всегда попирались, и власть въ лицѣ ея исполнителей никогда „не являла примѣра строгаго уваженія права. Она всегда покоила свою силу на безсиліи, раздробленности общества и уступала только силѣ въ моменты пробужденія самосознанія, если не всего общества, то хотя бы его отдѣльныхъ сословій“.

Все прошлое Россіи только подтверждаетъ эту мысль.

Попытки ограниченія самодержавія не

чайное явленіе русской исторіи, отличной отъ историческаго пути западныхъ государствъ, гдѣ государственной организаціи противопоставлялась организація общественныхъ силъ, гдѣ самыя сословныя различія явились не плодомъ усиленія государственной власти, какъ въ Россіи, а ея ограниченіемъ. Развитіе государственной жизни шло въ Россіи особымъ, чѣмъ на Западѣ, путемъ.

Государственной власти не было противопоставлено субъективное право отдѣльныхъ сословій и гражданъ.

Государственный строй у насъ явился не результатомъ соглашенія или договора гражданъ съ властью; уже первые князья были, въ глазахъ народа, носителями идеи національнаго единства. Недовольный элементъ не шелъ на прямую борьбу съ властью, онъ уходилъ отъ ея стѣсненій и растекался по широкому лицу Русской Земли.

„Недовольные у насъ, замѣчаетъ одинъ изъ ученыхъ, не брались за оружіе, а разбѣгались. При такой пассивности населенія, государству не приходилось бороться за власть, не приходилось отстаивать свои права противъ враждебныхъ притязаній. Главная задача государственной власти сводилась къ тому, чтобы собрать полуосѣдлое населеніе и какъ-нибудь устроить его“. При этихъ условіяхъ вопросъ естественно ставился уже не о субъективныхъ правахъ, а о порядкѣ, о законѣ. Отсутствіе скученности и простой осѣдлости населенія дѣлали невозможнымъ и образованіе сколько-нибудь организованныхъ сословій *).

Вслѣдствіе такого историческаго хода развитія русской государственной власти, осуществленіе государственной власти регулируется у насъ не субъективными правами от-

---

*) Ср. Исторія Россіи Соловьева. Кн. 1 Государственное право Коркунова.

дѣльныхъ сословій и личностей, а объективнымъ правомъ, обычаемъ и закономъ.

Вмѣсто западнаго феодализма, древняя Русь противоставляла родовыя княжескія отношенія. Мало по малу они уступаютъ мѣсто единовластію. Борьба новаго со старымъ оканчивается побѣдой нови: государственныя отношенія побѣждаютъ отношенія родовыя. Выдвигается Москва, какъ центръ государственнаго сосредоточенія. Москва усиливается, богатѣетъ, подчиняетъ себѣ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ. Препятствій, при этомъ, дѣйствіямъ московскихъ князей мало, „пособій—много".

Способствовало имъ: отсутствіе сильныхъ областныхъ привязанностей, постоянное передвиженіе населенія, неразвитость жизни въ городахъ, характеръ населенія—мирный и не легко увлекающійся. Усобицы давно наскучили. Единственнымъ выходомъ изъ нихъ явилось единовластіе. На сторону усиливающагося значенія Москвы тянули и дружинники князей, всегда тяготѣвшіе къ сильнѣйшимъ и богатѣйшимъ, и самое могущественное въ древней Руси сословіе—духовное.

Потому-то и формы, въ которыхъ образовывалось московское государство, условливались отношеніями власти къ духовенству, дружинѣ и остальному населенію. „Отношенія духовенства—говоритъ Соловьевъ—опредѣлялись византійскими преданіями; дружина не была дружиною завоевателей". При постоянномъ движеніи и пріѣздѣ отовсюду новыхъ слугъ, трудно было образоваться какимъ-нибудь „постояннымъ отношеніямъ и положеніямъ".

Правомѣрность установилась у насъ не какъ продуктъ борьбы сословій и общественныхъ классовъ за свои права, а какъ объективное требованіе порядка. Законность является въ нашей государственной жизни не ограниченіемъ, извнѣ навязаннымъ

а ея собственнымъ созданіемъ. Поэтому развитіе законности не обусловливалось у насъ развитіемъ „политическихъ правъ“, въ противоположность Западу, гдѣ развитіе политическихъ правъ являлось краеугольнымъ камнемъ всего государственнаго строя.

Завоеваніе ихъ легло въ основу русскаго освободительнаго движенія, начавшагося еще въ XVIII вѣкѣ. Еще на зарѣ его, въ верхнихъ кругахъ русскаго общества, среди титулованной аристократіи, зародились первыя стремленія къ перемѣнѣ существовавшаго строя, начались попытки ограниченія самодержавія. Попытки, правда, преслѣдовавшія не общее благо страны и народа, а лишь благо отдѣльныхъ лицъ, отдѣленныхъ круговъ общества. Старое русское боярство, утратившее свое прежнее значеніе при Петрѣ, новые выходцы, приближенные ко двору и вознесенные на высоту почестей, чиновъ и регалій, составляли русскую родовую и служилую аристократію. Приливъ и отливъ здѣсь былъ постоянный. Одни со стремительной быстротой поднимались наверхъ, къ почестямъ и первымъ мѣстамъ, другіе съ такой же стремительностью падали внизъ.

„Менѣе низкости, болѣе усердія къ службѣ и вѣрности ко мнѣ и государству—сія то почесть свойственна царю“, твердилъ Петръ I. Его желѣзная рука, его геній давили все, сжимая въ одну опредѣленную форму государственный строй. Но и его генію приходилось считаться съ низостью однихъ, продажностью другихъ, непониманіемъ третьихъ его ближайшихъ совѣтниковъ, главныхъ проводниковъ его взглядовъ въ массу.

II.

Іоаннъ III явился первымъ русскимъ государемъ, принявшимъ наименованіе самодержца. По замѣчанію профессора Ключевскаго, это наименованіе указывало на внѣшнюю не-

зависимость. Такое же толкованіе даетъ и Соловьевъ встрѣчающемуся въ лѣтописи слову „самовластецъ“ и употребляемому въ значеніи единовластецъ. Оно прилагалось къ князьямъ удѣльнаго періода, когда князь, избавившись отъ родичей, становился единовластителемъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самовластителемъ въ странѣ.

Но уже Іоаннъ IV толкуетъ самодержавіе именно въ смыслѣ безраздѣльнаго сосредоточенія всей полноты государственной власти въ рукахъ монарха. Онъ замѣчалъ Курбскому: „Како же и самодержецъ наречется, когда самъ не стоитъ?“ Но, однако, тотъ же Курбскій уже проводитъ различіе между деспотомъ-тираномъ и самодержцемъ.

„Если,—пишетъ онъ *), — царь почтенъ царствомъ, но такъ какъ онъ отъ Бога не можетъ получить всѣхъ дарованій, то долженъ искать дюжаго и полезнаго совѣта не только у совѣтниковъ своихъ, но и у простыхъ людей, потому что даръ дается не по богатству внѣшнему и по силѣ царства, но по правости душевной; не-зритъ Богъ на могущество и гордость, но на правость сердечную, и даетъ дары, сколько кто вмѣститъ добрымъ произволеніемъ“.

Курбскій далѣе аттестуетъ Іоанна „злымъ тираномъ“.

Въ свою очередь Іоаннъ ведетъ свое начало самодержавства отъ св. Владиміра. Отвѣчая на упреки Курбскаго въ удаленіи царемъ совѣтниковъ изъ бояръ и въ единоличномъ управленіи землей, Іоаннъ гордо замѣчаетъ, что царь не долженъ находиться подъ чьимъ-либо вліяніемъ и давать владѣть своимъ подданнымъ.

---

*) Ключевскій, В. О., Боярская Дума.
Соловьевъ, С. М. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Книга 1-ая. Т. 3.
Сказанія князя Курбскаго.
Соловьевъ. Книга 2-ая.

„Русскіе самодержцы,--говоритъ Іоаннъ,— изначала сами владѣютъ всѣмъ царствомъ, а не бояре и вельможи".

„Истина и свѣтъ для народа въ познаніи Бога и богоданнаго ему царя", заявляетъ далѣе Грозный, чертя апофеозъ самодержавію.

Гнетъ самовластья впервые почувствовали наиболѣе близкіе къ источнику власти, наиболѣе образованные на Руси изъ народа —бояре.

Среди боярскихъ круговъ рано созрѣла и окрѣпла мысль положить конецъ самовластію. Не чувствомъ угнетенной правды, не благомъ страны и народа вызваны были эти попытки. Высшее сословіе въ государствѣ, желая раздѣлить власть съ царемъ, всего менѣе думало о широкихъ кругахъ народныхъ. Отъ козней боярскихъ страдала земля, потому что личные, классовые интересы для нихъ всегда стояли выше общеземскихъ. Сословіе, желавшее раздѣленія власти, не сумѣло его добиться, потому что не сумѣло подняться на вершину общенароднаго блага. Власть ему была нужна, какъ средство для обладанія силой, а не какъ цѣль блага народнаго. Эгоизмъ самъ пожиралъ себя, хотя попытокъ ограниченія самодержавія боярами мы видимъ не мало въ Московскомъ государствѣ.

Соборъ, избравшій на царство Бориса Годунова отъ имени всей земли, не былъ, въ сущности, созданіемъ рукъ патріарха Іова. На немъ за весь народъ рѣшали дѣло духовенство и дворяне; люди неслужилаго сословія составляли на Соборѣ ничтожное меньшинство, такъ какъ даже въ лицѣ выборныхъ отъ городовъ преобладали люди служилые.

Дошли извѣстія, что бояре желали, чтобы Годуновъ „цѣловалъ крестъ на ограничивающей его власть грамотѣ".

При воцареніи Василія Шуйскаго, въ царской грамотѣ уже прямо заявлялось, что безъ

соборнаго рѣшенія царь обязывается не произносить смертныхъ приговоровъ, вотчинъ не отнимать, и доводовъ ложныхъ не слушать...

Существуетъ также извѣстіе, передаваемое Соловьевымъ *), что въ избраніи перваго царя изъ дома Романовыхъ бояре взяли съ него, какъ и съ Шуйскаго, ограничительную запись: „не осудя истиннымъ судомъ съ боярами своими, никого смерти не предавать и вмѣстѣ съ преступникомъ не наказывать его родственниковъ“.

Борьба между самодержавіемъ и боярскими притязаніями велась продолжительное время, то затихая въ періодъ усиленія царской власти, то обостряясь въ періоды ослабленія послѣдней, въ годины междуцарствія. Побѣда клонилась попеременно то на одну, то на другую сторону. Иванъ IV на первомъ Земскомъ Соборѣ въ своей покаянной рѣчи всенародно выставилъ на судъ нерадѣніе и самовластіе бояръ. „Не бойся сильныхъ и славныхъ, похитившихъ почести и губящихъ своимъ насиліемъ бѣдныхъ и немощныхъ“, говорилъ онъ Алексѣю Адашеву.

Земскіе соборы въ XVII вѣкѣ до нѣкоторой степени парализовали вліяніе боярское, но съ другой стороны они же усиливали верховную власть.

Петръ, ведя государство по новому пути, уже не нуждался ни въ опорѣ Соборовъ, какъ голоса общества, ни въ помощи бояръ. И тѣ, и другіе были для него пережитками стараго строя. Онъ желалъ править самодержавно, такъ, чтобы его воля была закономъ для всѣхъ. Но стоило только Петру смежить глаза, какъ прежняя сила активно выступаетъ на сцену. Достаточно вспомнить, что въ теченіе тридцати восьми лѣтъ русскій престолъ пере-

*) Исторія Россіи. Книга 2. Т. 9.

ходилъ изъ рукъ въ руки по волѣ кучки придворныхъ и гвардейскихъ солдатъ.

Аристократія подымала голову и самодержавно распоряжалась судьбами Россіи. Народъ былъ нѣмъ и безгласенъ; о его желаніяхъ, его волѣ не спрашивалъ никто.

Петръ умиралъ. Онъ еще дышалъ, борясь въ предсмертной агоніи, а въ сосѣднемъ покоѣ уже дѣлили его наслѣдство. Кому достанется оно? Императоръ лежалъ безъ сознанія; послѣднія минуты его были сочтены, а у русскаго престола не было наслѣдника. Умирающій императоръ не сдѣлалъ никакихъ распоряженій. Ближайшими наслѣдниками являлись внукъ Петра—сынъ трагически погибшаго царевича—и жена умиравшаго царя, коронованная Екатерина Алексѣевна, титулованная синодомъ императрицей, цесаревинымъ величествомъ.

Большинство стояло за малолѣтняго Петра: и народныя массы, и знать. Екатерину же выдвигали птенцы Петра Великаго, новые люди: Меньшиковъ, Толстой, Остерманъ.

Родовая аристократія въ своихъ вожделѣніяхъ столкнулась со служилой. Что же преслѣдовали обѣ партіи? Благо народа и Россіи?—Ничуть не бывало. Родовая спѣсь желала воспользоваться лишь случаемъ, чтобы низвести высоко забравшихся „выскочекъ“. Послѣдніе трепетали за собственную шкуру. Фаворитъ Екатерины, Меньшиковъ, дѣлалъ личное дѣло. Руки новыхъ людей были запачканы въ крови: въ судѣ надъ замученнымъ царевичемъ Алексѣемъ „птенцы Петра“ играли видную роль. Въ случаѣ царствованія сына Алексѣя имъ пришлось бы плохо.

Члены синода пошли по той же дорогѣ; они боялись поворота вспять къ патріаршеству. Всюду впереди личныя побужденія, личное честолюбіе. Благо государства позади.

Былъ выдвинутъ между партіями компромиссъ: возвести на престолъ Петра, а за его малолѣтствомъ поручить управленіе Екатеринѣ. Однако, новые люди на это не пошли.

Они тяготѣли къ полнотѣ своей власти; самодержица Екатерина I будетъ царствовать, но управлять за нее будутъ тѣ же Меньшиковъ, Остерманъ и Толстой.

Вельможи порѣшили за Россію, а Россія увидала „небывалое еще явленіе“—женщину на престолѣ.

Самодержавная по титулу Екатерина была ограничена верховнымъ тайнымъ совѣтомъ, гдѣ засѣдали главные сановники, подъ предсѣдательствомъ императрицы, и гдѣ всѣ дѣла могли разрѣшаться лишь съ общаго вѣдѣнія членовъ.

Иностраннымъ министрамъ такая новость „казалась шагомъ къ перемѣнѣ правленія“. И дѣйствительно, верховный тайный совѣтъ, членами котораго были сдѣланы „самыя довѣренныя и знатныя лица“, являлся фактическимъ управителемъ Россіи. Отъ синода и сената были отняты титулы правительствующихъ.

Верховный Тайный Совѣтъ, по мнѣнію самихъ избранныхъ членовъ, поданному Императрицѣ, являлся къ „облегченію Ея Величества въ тяжкомъ бремени правленія“. „Никакимъ указамъ положено не выходить, пока они не состоялись въ Тайномъ Совѣтѣ совершенно“. Кромѣ чужестранныхъ дѣлъ вѣдѣнію Верховнаго Тайнаго Совѣта подлежали всѣ тѣ дѣла, которыя „до ея императорскаго величества собственнаго рѣшенія касаются“.

Недовольство нововведеніемъ началось именно съ тѣхъ, которые расчитывали попасть, но не попали, въ число „самыхъ довѣренныхъ и знатныхъ лицъ“. Какъ бы то ни было, первый шагъ былъ сдѣланъ, почва расчищена: за Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ упрочены права. Вскорѣ онъ фактически и номинально встанетъ во главѣ управленія Россіей.

Двухлѣтнее царствованіе Екатерины кончилось. Снова ставится вопросъ объ ея преем-

никѣ. Двѣ дочери Петра, обѣ родившіяся до брака съ Екатериной, и внукъ считаются претендентами на престолъ. Всѣ трое не выказываютъ никакой активной дѣятельности для осуществленія своихъ правъ. Споръ за послѣднія ведется среди знати, расколовшейся на партіи. На знаменахъ ихъ какъ и прежде нѣтъ никакого девиза, если не считать за таковой личныя честолюбивыя стремленія.

Еще не успѣло остыть тѣло Екатерины, какъ уже вскрывается ея духовное завѣщаніе — плодъ работы главнаго верховника Меньшикова и творчества іезуита Бассевича. Во дворцѣ собираются вся царская фамилія, члены Верховнаго Совѣта, синода, сената и генералитета. Читается подписанное царевной Елизаветой Петровной духовное завѣщаніе. Въ журналѣ Тайнаго Совѣта значится, что оно было подписано „собственной ея величества рукой“. Завѣщаніе, составленное въ пользу Петра II, за малолѣтствомъ государя, возлагаетъ надъ нимъ регентство въ лицѣ Верховнаго Тайнаго Совѣта, состоявшаго изъ девяти персонъ. Верховный Совѣтъ, до совершеннолѣтія Петра II, имѣетъ полную власть правительствующаго самодержавнаго государя.

Приведемъ нѣкоторые пункты этого любопытнаго акта:

„1) Великій князь Петръ Алексѣевичъ имѣетъ быть сукцессоромъ [1]), 2) и именно со всѣми правами и прерогативами, какъ мы онымъ владѣли. 3) До... [2]) лѣтъ не имѣетъ за юностію въ правительство вступать. 4) Во время малолѣтства имѣютъ администрацію нести наши обѣ царевны, герцогъ [3]) и прочіе члены Верховнаго Совѣта, которой обще изъ

---

[1]) преемникомъ.

[2]) Въ полн. собр. закон. № 5070. цифры, опредѣляющей годы несовершеннолѣтія, не имѣется.

[3]) Герцогъ Гольштинскій, зять Петра Великаго.

9 персонъ состоять имѣетъ. 5) И симъ имѣть полную власть правительствующаго самодержавнаго государя, токмо опредѣленія о сукцессіи ни въ чемъ не отмѣнять. 6) Множествомъ голосовъ вершать всегда, и никто одинъ повелѣвать не имѣетъ и не можетъ. 7) Великій князь имѣетъ въ совѣтѣ присутствовать; а по окончаніи администраціи ни отъ кого отвѣта не требовать".

III.

Верховный Тайный Совѣтъ не сумѣлъ снискать себѣ ни уваженія среди завистливой аристократіи, ни симпатіи среди народа. И это было сдѣлать мудрено, попирая силой законность правъ. Вмѣсто силы нравственной, верховники думаютъ обосновать всю свою борьбу на силѣ лжи и обмана, до поддѣлки новой духовной малолѣтняго императора включительно. Они слабы, трусливы для борьбы открытой и честной; привыкли дѣйствовать изъ-за угла, боятся прямыхъ дѣйствій... У нихъ нѣтъ общей идеи, сплачивающей и соединяющей, есть только у каждаго въ отдѣльности стремленіе къ захвату власти въ собственное, хотя бы временное, пользованіе, нѣтъ симпатій среди широкихъ круговъ населенія. А безъ поддержки все, что могутъ верховники—это совершить дворцовый переворотъ, и то въ пользу одной изъ особъ изъ царствующей фамиліи.

Домъ Петра I пресѣкся смертью Петра II и, по убѣжденію князя Дмитрія Голицына, „справедливость требуетъ, чтобы наслѣдство перешло къ старшей линіи — царя Іоанна Алексѣевича".

Всѣ согласились. Но царевна Екатерина замужемъ за герцогомъ Мекленбургскимъ. Остается вторая дочь Іоанна—Анна, вдова герцога Курляндскаго.

Выборъ остановился на Аннѣ.

Анна, несомнѣнно, принявъ престолъ изъ

рукъ верховниковъ, пойдетъ на всѣ уступки. О ней сохранились болѣе подходящія воспоминанія, и съ ней легче будетъ столковаться. У Голицына уже сложился ясный планъ. Планъ ограниченія власти будущей государыни не на словахъ только, а фактически. Онъ хорошо зналъ цѣну произволу и фаворитизму, на себѣ ихъ испыталъ и не желалъ, по крайней мѣрѣ, для самого себя, повторенія прошлаго. Русская родовая аристократія въ лицѣ Голицына выступала на защиту своихъ сословныхъ правъ. Она желала быть первенствующимъ въ государствѣ сословіемъ. Но у этой родовой знати уже есть сильный соперникъ: знать, вышедшая только-что изъ неизвѣстности, исполненная уже бѣсомъ тщеславія, сильная умомъ, дарованіями и еще менѣе разборчивая въ средствахъ для достиженія своихъ цѣлей, чѣмъ старыя вѣтви...

Великій канцлеръ графъ Головкинъ объявилъ, что „Великій Государь Петръ II отъ временнаго въ вѣчное блаженство отъиде“. Въ запискахъ Манштейна разсказывается, что послѣ объявленія Головкина, князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, по внушенію статскаго совѣтника Фика, который еще прежде совѣтовалъ по примѣру Швеціи ограничить власть, всталъ съ своего мѣста и сказалъ:

„Поелику кончиною Петра мужское колѣно Петра I пресѣклось, и Россія претерпѣвала отъ самовластія, коему весьма много способствовали иноземцы, Петромъ I въ нашу землю призванные, то и надлежитъ обуздать власть благими законами и наиначе ввѣрить кормило государственное новоизбранной Императрицѣ, не иначе какъ на нѣкоторыхъ условіяхъ *).

Тайный Совѣтъ взялъ въ свои руки власть.

---

*) А. С. Парамоновъ. „О законодательствѣ Анны Іоанновны.

Онъ собственной волею назначилъ новыхъ своихъ членовъ. Партіи на время, казалось, забыли раздоры. Недавніе соперники подали руки другъ другу, и Долгорукіе—враги Голицыныхъ—спѣшили обезпечить другъ другу помощь въ Совѣтѣ.

Покорное во всемъ и всегда силѣ, высшее россійское духовенство, въ лицѣ синода, закрѣпило избраніе верховниковъ, но послѣдніе заявили, чтобы благодарственный молебенъ отправлять не спѣшили. Князь Голицынъ еще не составилъ „пунктовъ“ ограниченія самодержавія.

— Станемъ писать пункты, чтобъ не быть самодержавію,—говорилъ онъ собравшимся. Но съ „пунктами“ медлили. Рѣшили сначала написать письмо къ Аннѣ отъ лица Верховнаго Тайнаго Совѣта. Писали долго и, наконецъ, изготовили слѣдующее посланіе:

„Премилостивѣйшая Государыня! Съ горькимъ соболѣзнованіемъ нашимъ вашему императорскому величеству Верховный Тайный Совѣтъ доноситъ, что сего настоящаго году января 18, пополуночи, въ первомъ часу, вашего любезнѣйшаго племянника, а нашего всемилостивѣйшаго государя, его императорскаго величества Петра II-го не стало; и какъ мы, такъ и духовнаго и всякаго чина свѣтскіе люди того же времени заблаговразсудили Россійскій престолъ вручить вашему императорскому величеству, а какимъ образомъ вашему величеству правительство имѣть, тому сочинили кондиціи, которыя къ вашему величеству отправляли изъ собранія своего съ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ княземъ Василіемъ Лукичемъ Долгорукимъ, да сенаторомъ тайнымъ совѣтникомъ княземъ Михайломъ Михайловичемъ Голицынымъ и съ генераломъ-маіоромъ Леонтьевымъ, и всепокорно просимъ оные собственною своею рукою пожаловать подписать и не умедля сюды въ Москву ѣхать и Россійскій престолъ и правительство воспріять. 19-го января 1730“.

Кондиціи, которыя должна была подписать Анна, были написаны въ такой формѣ:

„Чрезъ сіе наикрѣпчайше обѣщаемся, что наиглавнѣйшее мое попеченіе и стараніе будетъ не токмо о содержаніи, но и крайнемъ и всевозможномъ распространеніи православныя нашей вѣры греческаго исповѣданія; такожде по принятіи короны Россійской, въ супружество во всю мою жизнь не вступать и наслѣдника ни при себѣ, ни по себѣ никого не опредѣлять; еще обѣщаемся, что понеже цѣлость и благополучіе всякаго государства отъ благихъ совѣтовъ состоитъ, того ради мы нынѣ уже учрежденный Верховный Тайный Совѣтъ ввосми персонахъ всегда содержать и безъ онаго согласія 1) ни съ кѣмъ войны не вчинать, 2) миру не заключать, 3) вѣрныхъ нашихъ подданныхъ никакими податьми не отягощать, 4) въ знатные чины, какъ въ статскіе, такъ и въ военные сухопутные и морскіе выше полковничья ранга не жаловать, ниже къ знатнымъ дѣламъ никого не опредѣлять, а гвардіи и прочимъ войскамъ быть подъ вождѣніелъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, 5) у шляхетства живота, имѣнія и чести безъ суда не отнимать, 6) вотчины и деревни не жаловать, 7) въ придворные чины, какъ русскихъ, такъ иноземцевъ не производить; 8) государственные доходы въ расходъ не употреблять и всѣхъ вѣрныхъ своихъ подданныхъ въ неотложной своей милости содержать; а буде чего по сему обѣщанію не исполню, то лишена буду короны Россійской".

Подъ письмомъ подписались: канцлеръ графъ Головкинъ, князь Михайла Голицынъ, князь В. Долгорукій, князь Димитрій Голицынъ, князь Алексѣй Долгорукій, Андрей Остерманъ.

Но письмомъ остались недовольны въ аристократическихъ кругахъ. Недовольны всѣ не-верховники. Говорили, что четверо Долгоруких, двое Голицыных, Головкинъ и Остер-

манъ забрали всю власть и хотятъ восьмеромъ царствовать.

Новая партія птенцовъ Петра была недовольна побѣдой старой; въ совѣтѣ изъ новыхъ людей всего двое. Старая обижена присутствіемъ въ совѣтѣ новыхъ „выскочекъ". Снова тѣ же опасенія, страхъ за собственную шкуру, за завтрашній день.

Недовольными оказались и шляхетство, и генералитетъ измѣненіемъ дѣла Петра. Но верховники торжествуютъ побѣду.

Въ Петербургѣ уже получено письмо отъ герцогини Курляндской. Она согласна принять россійскую державу на условіяхъ, предложенныхъ верховниками.

Совѣтъ спѣшитъ отвѣтить благодарностью: ...„Только всеподданнѣйше ваше императорское величество просимъ, чтобъ соизволили сочинить, вмѣсто Верховнаго Совѣта и высокаго сената, одинъ правительствующій сенатъ, какъ при Петрѣ Первомъ было, и исполнить его довольнымъ числомъ, 21 персоною; такожде нынѣ въ члены и впредь на упалыя мѣста въ оный правительствующій сенатъ и въ губернаторы, и въ президенты повелѣно-бъ было шляхетству выбирать баллотированіемъ, какъ то при Петрѣ Первомъ установлено было; и притомъ всеподданнѣйше просимъ, чтобъ по вашему всемилостивѣйшему подписанію форму правительства государства для предбудущаго времени нынѣ установить. Мы напослѣдокъ вашего императорскаго величества всепокорнѣйшіе рабы надѣемся, что въ благоразсудномъ правленіи государства, въ провѣдѣніи и облегченіи податей по природному величества вашего благоутробію презрѣны не будемъ, но во всякомъ благополучіи и довольствѣ тихо, безопасно житіе свое препровождать имѣемъ. Февраля 25, 1730".

Подписали: князь Иванъ Трубецкой, Григорій Чернышевъ, Ушаковъ, Новосильцевъ, князь Григорій Юсуповъ, Михайла Матюшкинъ, князь Алексѣй Черкасскій, Сукинъ, Ол-

суфьевъ, князь Никита Трубецкой, графъ Михайла Головкинъ.

На радостяхъ Верховный Совѣтъ опочилъ на лаврахъ. Его главари не замѣчаютъ усиливающагося противнаго теченія. Совѣтъ видитъ, что его силъ недостаточно, что онъ далеко не представленъ представителями лучшихъ фамилій. Онъ идетъ на уступки. Рѣшено принять въ Совѣтъ новыхъ членовъ, раздвинуть замкнутый кругъ его представителей.

Совѣтъ рѣшаетъ приступить къ преобразованіямъ. Его мнѣніемъ рѣшено:

„1) Въ началѣ учредить вышнее правительство изъ 21-й персоны; 2) дабы оное множествомъ дѣлъ не отягчить, того ради для отправленія прочихъ дѣлъ учинить сенатъ въ 11-ти персонахъ; 3) въ вышнее правительство и въ сенатъ, и въ губернаторы, и въ президенты коллегій кандидатовъ выбирать и баллотировать генералитету и шляхетству, а въ кандидаты болѣе одной персоны изъ одной фамиліи не выбирать, также и при баллотированіи болѣе двухъ персонъ изъ одной фамиліи не быть; а при баллотированіи быть не меньше 100 персонъ; 4) въ вышнемъ, правительствѣ и въ сенатѣ впредь, кромѣ обращающихся нынѣ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, болѣе двухъ персонъ изъ одной фамиліи не быть, считая въ обоихъ, какъ въ вышнемъ правительствѣ, такъ и въ сенатѣ“.

Отъ шляхетства, отъ широкихъ круговъ населенія въ Совѣтъ нѣтъ представителя. Русская знать сама стремится къ власти и раздѣлять ее съ „подлымъ сословіемъ“ и съ мелкимъ дворянствомъ вовсе не желаетъ.

Создается, такимъ образомъ, настоящій совѣтъ олигарховъ. На первыхъ порахъ все идетъ если и не споро, то безъ видимаго раскола. Вмѣсто рѣшительныхъ мѣръ верховники предаются размышленіямъ, вмѣсто прямого дѣла ведутъ споры. У нихъ нѣтъ актив

ности въ дѣйствіяхъ. Сказывается чисто русская медлительность.

Противная сторона не унываетъ и дѣйствуетъ изъ-за угла. Птенецъ Петра, Ягужинскій, уже послалъ въ Митаву „вѣрнаго человѣка“. „Вѣрный человѣкъ“ уже шепчетъ Аннѣ, чтобы „не всему вѣрить, что станутъ представлять князь Василій Лукичъ Долгорукій и которые съ нимъ посланы, до того времени, пока сама изволитъ прибыть въ Москву. Ежели князь Василій Лукичъ по тѣмъ пунктамъ принуждать будетъ подписываться, чтобъ ея величество просила отъ всѣхъ посланныхъ трехъ персонъ такого письма за подписаніемъ рукъ ихъ, что они отъ всего народу оное привезли, ежели скажутъ, что съ согласія народа; а ежели письма дать не похотятъ, то бы объявила, что ея величество оное учинитъ по волѣ ихъ, только когда она прибудетъ къ Москвѣ, чтобъ оное такъ было, какъ представляютъ“.

Синодъ открыто возстаетъ противъ верховниковъ и объявляетъ посредствомъ манифеста Анну самодержавной государыней.

Дѣло верховниковъ проиграно, но еще не вполнѣ. Сила военная на ихъ сторонѣ. Но и тутъ сказывается отсутствіе единенія и рѣшительности дѣйствій.

Анна прибываетъ въ Москву.

Долгорукій держится неотлучно у нея, никого не допуская близко къ императрицѣ. Противники верховниковъ дѣйствуютъ болѣе рѣшительно и подготовляютъ переворотъ, опять-таки опираясь, якобы, на сочувствіе молчаливаго народа.

Безъ вѣдома верховниковъ издается указъ, опредѣляющій власть Верховнаго Совѣта:

„Понеже Верховный Тайный Совѣтъ состоитъ не для какой собственной того собранія власти, точно для лучшей государственной пользы и управленія въ помощь ихъ императорскихъ величествъ, а

впредь ежели кого изъ того собранія смерть пресѣчетъ или какимъ случаемъ отлученъ будетъ, то на тѣ утлыя мѣста выбирать кандидатовъ Верховному Тайному Совѣту обще съ сенатомъ, и для апробаціи представлять ея императорскому величеству изъ первыхъ фамилій изъ генералитета и изъ шляхетства людей вѣрныхъ и обществу народному доброжелательныхъ (не воспоминая объ иноземцахъ). И смотрѣть того, дабы въ такомъ первомъ собраніи одной фамиліи больше двухъ персонъ умножено не было; и должны разсуждать, что не персоны управляютъ закономъ, но законъ управляетъ персонами, и не разсуждать ни о фамиліяхъ, ниже о какихъ опасностяхъ, токмо искать общей пользы безъ всякой страсти, памятуя всякому судъ вышній. Буде же, когда случится какое государственное новое и важное дѣло, то для онаго въ Верховный Тайный Совѣтъ имѣютъ для совѣта и разсужденія собраны быть:—сенатъ, генералитетъ, коллежскіе члены и знатное шляхетство; буде же, что касаться будетъ къ духовному правленію, то и синодскіе члены и прочіе архіереи, по усмотренію важности дѣла".

Объ ограниченіи самодержавія не упомянуто ни въ манифестѣ, ни въ указѣ. А время идетъ, и надъ верховниками собираются тучи.

Въ одинъ день незначительная кучка гвардейскихъ офицеровъ и мелкаго дворянства произвела новый переворотъ. Анну упрашиваютъ принять вновь то, отъ чего она произнесла отреченіе. Подписанная императрицей бумага ею же разрывается. Начинается рядъ сысковъ, ссылокъ и преслѣдованій.

„Трапеза была уготована, но приглашенные оказались недостойными; знаю, что я буду жертвою неудачи этого дѣла. Такъ и быть, пострадаю за отечество; мнѣ уже немного остается, и тѣ, которые заставляютъ меня плакать, будутъ плакать долѣе моего" —

заявило главное дѣйствующее лицо этой драмы—князь Дмитрій Голицынъ.

Трапеза была уготована. Дѣйствительно такъ. Но на нее были позваны только избранные. На ней не нашлось мѣста никому, кромѣ знати. И ея безсиліемъ было то, что она не опиралась на народъ, не спрашивала его совѣта, не прислушивалась къ его голосу. Она желала править также деспотически, подобно тому старому режиму, который она стремилась ограничить.

Но сбылись слова князя: „тѣ, которые заставляютъ меня плакать, будутъ плакать больше моего".

Ужасы надвигающейся Бироновщины надвигались на Россію. Приближался настоящій праздникъ самовластія.

IV.

„Свобода—душа всѣхъ вещей; безъ тебя все мертво. Я хочу, чтобы повиновались законамъ, а не рабовъ" — такъ писала Екатерина II г-жѣ Жофрэнъ. „Духъ законовъ" есть молитвенникъ государей, если они только имѣютъ здравый смыслъ". Надо, однако, сознаться, что сама Екатерина не долго молилась по этому молитвеннику.

Первая попытка со стороны государственныхъ людей въ видѣ желанія учрежденія императорскаго совѣта уже показалась Екатеринѣ побужденіемъ „раздражающимъ, оскорбительнымъ"—покушеніемъ на прерогативы ея самодержавной власти. На учрежденіи совѣта особенно настаиваетъ Никита Панинъ. Напрасно онъ доказывалъ, что „главное, истинное и общее о всемъ государствѣ попеченіе замыкается въ персонѣ государевой. Онъ же никакъ инако и въ полезное дѣйствіе произвести не можетъ, какъ разумнымъ ея раздѣленіемъ между нѣкоторымъ малымъ числомъ избранныхъ къ тому единственно персонъ". Напрасно Панинъ выставлялъ въ со-

вѣтѣ оплотъ противъ фаворитизма. Екатерина приняла это за обиду. Въ проектѣ Панина императрица усмотрѣла для себя непріятный шагъ людей, которымъ мало довѣряла. Слова Панина, что въ Россіи „всѣ безпорядки происходили отъ того, что дѣйствовала болѣе сила персонъ, нежели власть мѣстъ государственныхъ, хотя и относились къ прошедшему, по съ успѣхомъ могли быть примѣнены и къ современному, уже ясно обозначавшемуся положенію дѣлъ.

Екатерина нѣсколько разъ передѣлывала проектъ, заставляя измѣнять слова и цѣлыя выраженія и, въ концѣ-концовъ, подписанный ею манифестъ все-таки не былъ обнародованъ.

Екатерина любила свободу платонически. Она мечтала о „душѣ всѣхъ вещей", задумывалась надъ печальнымъ положеніемъ безправныхъ милліоновъ рабовъ, ужасалась несправедливости, почему одни люди родятся свободными, другіе же родятся, живутъ и умираютъ въ цѣпяхъ. Она думала объ устраненіи этой несправедливости и хотѣла освободить крестьянъ. Въ созванной императрицей комиссіи депутатовъ ясно обозначились два лагеря, два теченія. Одно--крѣпостническое, закоръзлое въ своихъ традиціяхъ, другое—за права и свободу. Первое походило на широкую рѣку, покрытую тиной, застывшую въ илистыхъ берегахъ, второе едва-едва представляло небольшой, но звонко бѣгущій, чистый ручей. Предъ воспитанницей Вольтера, Дидро и Монтескье стояло два пути: опереться-ли на темное большинство или дать ходъ свѣтлому меньшинству. Тамъ опора въ силѣ физической—здѣсь оплотъ нравственный.

Екатерина предпочла первое.

Правительство ея круто повертывается въ сторону хранителей традицій и въ союзѣ съ ними идетъ прочь отъ прежнихъ упованій и грезъ. Но его дѣйствія уже встрѣчаютъ оп-

позицію. Слабую, блѣдную, но все же оппозицію. Идетъ она не со стороны верховъ, рождена не изъ личныхъ побужденій. Идетъ она со стороны горсти образованныхъ людей; родникъ ея—благо народное. Выдвигается на сцену жизни элементъ общественный. Давидъ поднимается на Голіафа. Правительство, не привыкшее не только къ уваженію чужихъ мнѣній, но даже къ мысли о возможности существованія такого мнѣнія среди россіянъ въ слабо пробуждающейся общественности зачуяло своего врага.

Среди хора раболѣпствующихъ голосовъ звучитъ голосъ Новикова. Въ своей газетѣ онъ не гладитъ по шерсти звѣрей-крѣпостниковъ. Правительство прекращаетъ изданіе газеты Новикова, но неутомимый другъ просвѣщенія и народа принимается за издательскую дѣятельность.

Кругомъ него собирается кружокъ единомышленниковъ. Екатерина усматриваетъ въ этомъ нѣчто опасное. Новиковъ признается преступникомъ. Его ссылаютъ, заточаютъ въ крѣпость.

А другой голосъ раздается громко. Звучитъ онъ въ защиту рабовъ. „О, если бы рабы, тяжкими узами отягченные, разбили своими цѣпями головы безчеловѣчныхъ господъ своихъ и обагрили кровью ихъ нивы! Что бы тѣмъ потеряло государство? Если бы хоть немного имѣли они твердости, то уничтожили бы удручительные помыслы тирановъ своихъ“. *).

Радищева ждала участь еще болѣе горшая, чѣмъ Новикова. Но ни ссылки, ни тюрьма, ни каторга не остановили движенія. Это понимала хорошо сама Екатерина, говорившая Павлу, что „пушки безсильны воевать съ идеями“. Но ей самой приходилось вое-

*) Радищевъ. Путешествіе изъ Петербурга въ Москву.

вать съ ними и убѣдиться въ безсиліи такой войны на опытѣ.

Въ своихъ любопытныхъ запискахъ, только въ прошломъ году появившихся въ Россіи, декабристъ М. А. фонъ-Визинъ сообщаетъ о попыткѣ Ник. Вас. Панина *) и княгини Е. Р. Дашковой, развившей въ представленіи императрицѣ плана конституціи въ Россіи.

Екатерина, какъ понятно изъ предыдущихъ событій, отвергла его.

Тѣмъ же Панинымъ былъ одновременно представленъ Екатеринѣ и проектъ реформы сената, написанный Денисомъ Ивановичемъ фонъ-Визинымъ, подъ руководствомъ Панина. Въ проектѣ предполагалось установить „политическую свободу сначала для одного дворянства“, учредивъ Верховный Сенатъ, часть несмѣняемыхъ членовъ котораго назначалась бы отъ короны, а большинство состояло бы изъ лицъ, избранныхъ дворянствомъ изъ своего сословія. Синодъ долженъ былъ входить въ составъ общаго собранія Сената. Дворянскимъ собраніямъ,—губернскимъ, областнымъ и уѣзднымъ—предполагалось дать право совѣщаться объ общественныхъ дѣлахъ и мѣстныхъ нуждахъ, представлять о нихъ Сенату и предлагать ему новые законы. Выборъ, какъ сенаторовъ, такъ и всѣхъ мѣстныхъ чиновниковъ, долженъ былъ производиться въ этихъ же собраніяхъ. Сенатъ былъ бы облеченъ полною законодательною властью, но Императору предоставлялось право утверждать принятые Сенатомъ законы и обнародовать ихъ; ему же принадлежала власть исполнительная. Предположенія относительно предоставленія дворянству преобладающаго значенія могли быть внушены Панину наблюденіемъ того властнаго положенія, какое оно занимало въ шведскомъ сеймѣ. Въ проектѣ упоминалось также о необходимости по-

*) Воспитателя Павла.

степеннаго освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ и дворовыхъ людей.

„Долго оставаясь въ Швеціи,—разсказываетъ фонъ-Визинъ, — посланникомъ и съ любовью изучая конституцію ея, онъ, (т. е. Панинъ) желалъ ввести нѣчто подобное въ Россіи; ему хотѣлось ограничить самовластіе твердыми аристократическими институціями. Съ этою цѣлью Панинъ предлагалъ установить политическую свободу, сначала для одного дворянства, въ учрежденіи Верховнаго Сената, котораго часть несмѣняемыхъ членовъ (inamoviBiles) назначалась бы отъ короны, а большинство состояло бы изъ избранныхъ дворянствомъ изъ своего сословія лицъ.

„Синодъ также входилъ бы въ составъ общаго собранія Сената. Подъ нимъ въ іерархической постепенности были бы дворянскія собранія, губернскія или областныя и уѣздныя, которымъ предоставлялось право совѣщаться объ общественныхъ интересахъ и мѣстныхъ нуждахъ, представлять объ нихъ Сенату и предлагать новые законы (a vois l'initiative des lois).

„Выборъ, какъ сенаторовъ, такъ и всѣхъ чиновниковъ мѣстныхъ администрацій производился бы въ этихъ же собраніяхъ. Сенатъ былъ бы облеченъ полною законодательною властью, а императорамъ оставалась власть исполнительная съ правомъ утверждать обсужденные и принятые Сенатомъ законы, и обнародовать ихъ. Въ конституціи упоминалось и о необходимости постепеннаго освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ и дворовыхъ людей. Проектъ былъ написанъ Д. И. фонъ-Визинымъ *), подъ руководствомъ графа Панина.

У брата Фонъ-Визина хранился списокъ съ введеніемъ или предисловіемъ къ этому акту,

---

*) Извѣстнымъ писателемъ, авторомъ „Недоросля“ и „Бригадира“.

начинающемуся такъ: „Верховная власть ввѣряется Государю для единаго блага его подданныхъ. Сію истину тираны знаютъ, а добрые государи чувствуютъ. Преосвященный ясностію сея истины и великими качествами души одаренный монархъ, принявъ бразды правленія, тотчасъ почувствуетъ, что власть дѣлать зло есть несовершенство, и что прямое самовластіе тогда только вступаетъ въ истинное величіе, когда само у себя отъемлетъ власть и возможность къ содѣянію какого-либо зла и т. д.“ За этимъ слѣдовала политическая картина Россіи и объясненіе всѣхъ золъ, которыя она терпитъ отъ самодержавія.

Въ заговорѣ (1773—1774 г.г.), по словамъ того же автора, находились многіе изъ вельможъ, гвардейскихъ офицеровъ и даже великій князь Павелъ Петровичъ. Душою заговора была первая жена Павла, Наталія Алексѣевна.

Предателемъ явился одинъ изъ секретарей Панина—Бакунинъ. Онъ открылъ заговоръ Григорію Орлову. Отъ Павла Петровича Екатерина получила раскаяніе и... списокъ участниковъ. Она, не читая, бросила списокъ въ огонь.

За внѣшнимъ блескомъ екатерининскаго царствованія скрывалась далеко не блестящее положеніе внутреннее. При Павлѣ оно обозначилось еще рѣзче. Деспотизмъ власти дошелъ до послѣднихъ предѣловъ. Письмо наслѣдника престола, великаго князя, къ Лагарпу *) ярко рисуетъ общее подавленное и вмѣстѣ съ тѣмъ напряженное состояніе, которымъ жила всяРосія.

„Мой отецъ, — писалъ юный Александръ,—по вступленіи на престолъ захотѣлъ преобразовать все рѣшительно. Его первые шаги были блестящими, но

*) Швейцарецъ Лагарпъ былъ воспитателемъ великаго князя.

послѣдующія событія не соотвѣтствовали имъ. Все сразу перевернуто вверхъ дномъ, и потому безпорядокъ, господствовавшій въ дѣлахъ и безъ того въ слишкомъ сильной степени, лишь увеличился еще болѣе.

„Военные почти все свое время теряютъ исключительно на парадахъ. Во всемъ прочемъ рѣшительно нѣтъ никакого строго опредѣленнаго плана. Сегодня приказываютъ то, что черезъ мѣсяцъ будетъ уже отмѣнено. Доводовъ никакихъ не допускается, развѣ ужъ тогда, когда все зло совершилось. Наконецъ, чтобъ сказать однимъ словомъ,—благосостояніе государства не играетъ никакой роли въ управленіи дѣлами; существуетъ только неограниченная власть, которая все творитъ шивороть на выворотъ. Невозможно перечислить всѣ тѣ безразсудства, которыя были совершены; прибавьте къ этому строгость, лишенную малѣйшей справедливости, большую долю пристрастія и полнѣйшую неопытность въ дѣлахъ. Выборъ исполнителей основанъ на фаворитизмѣ; достоинства здѣсь не при чемъ. Однимъ словомъ, мое несчастное отечество находится въ положеніи, не поддающемся описанію. Хлѣбопашецъ обиженъ, торговля стѣснена, свобода и личное благосостояніе уничтожены. Вотъ картина современной Россіи, и судите, насколько должно страдать мое сердце. Я самъ, привлеченный ко всѣмъ мелочамъ военной службы, теряя все свое время на выполненіе обязанностей унтеръ-офицера, рѣшительно не имѣя никакой возможности отдаться занятію науками, являющемуся моимъ любимымъ занятіемъ, я самъ сдѣлался теперь самымъ несчастнымъ человѣкомъ.

„Вамъ уже давно извѣстны мои мысли, клонившіяся къ тому, чтобы покинуть свою родину. Въ настоящее время я не предвижу ни малѣйшей возможности къ приведенію ихъ въ исполненіе, а затѣмъ и несчастное положеніе моего отечества заставило меня придать своимъ мыслямъ

иное направленіе. Мнѣ думалось, что если когда-либо придетъ и мой чередъ царствовать, то вмѣсто добровольнаго изгнанія себя, я сдѣлаю несравненно лучше, посвятивъ себя задачѣ даровать странѣ свободу и тѣмъ не допустить ее сдѣлаться въ будущемъ игрушкою въ рукахъ какихъ-либо безумцевъ. Это заставило меня передумать о многомъ, и мнѣ кажется, что это было бы лучшимъ образцомъ революціи, такъ какъ она была бы произведена законною властью, которая перестала бы существовать, какъ только конституція была бы закончена, и нація имѣла бы своихъ представителей. Вотъ, въ чемъ заключается моя мысль.

„Я подѣлился ею съ людьми просвѣщенными, съ своей стороны много думавшими объ этомъ. Всего-на-всего насъ только четверо, а именно: Новосильцевъ, графъ Строгановъ, молодой князь Чарторыжскій, мой адъютантъ, выдающійся молодой человѣкъ, и я.

„Мы намѣреваемся въ теченіе настоящаго царствованія поручить перевести на русскій языкъ столько полезныхъ книгъ, сколько только окажется возможнымъ, но мы выпустимъ лишь тѣ изъ нихъ, печатаніе которыхъ можетъ быть разрѣшено, а остальныя прибережемъ для будущаго, чтобы такимъ образомъ, по мѣрѣ возможности, положить начало распространенію знанія и просвѣщенію умовъ. Но, когда же придетъ и мой чередъ, тогда нужно будетъ стараться, само собою разумѣется, постепенно образовать народное представительство, которое, должнымъ образомъ руководимое, составило бы свободную конституцію (constitution libre), послѣ чего моя власть совершенно прекратилась бы, и я, если бы Провидѣніе благословило нашу работу, удалился бы въ какой-нибудь уголокъ и жилъ бы тамъ счастливый и довольный, видя процвѣтаніе своего отечества и наслаждаясь имъ. Вотъ, каковы мои мысли, мой дорогой другъ... Дай только Богъ, чтобы мы когда-либо могли достигнуть нашей цѣли--даро-

вать Россіи свободу и предохранить ее отъ поползновеній деспотизма и тираніи. Вотъ мое единственное желаніе, и я охотно посвящаю всѣ свои труды и всю свою жизнь этой цѣли, столь дорогой для меня".

О деспотизмѣ и тираніи говорили открыто. Зло такъ очевидно бросалось въ глаза, что, по выраженію благонамѣреннаго изъ благонамѣренныхъ, Карамзина: „Голосъ собственной осторожности заглушался произволомъ власти".

Вся Россія—словно огромная тюрьма. И въ этой тюрьмѣ задыхались и заключенные, и сами тюремщики.

Кровавая ночь 10-го марта 1801 года явилась эпилогомъ трагедіи.

———

Среди главныхъ заговорщиковъ и участниковъ „дѣйства" 10-го марта созрѣлъ опредѣленный планъ на ближайшее будущее. Этотъ планъ былъ введеніе въ Россіи конституціи. Тотъ же М. А. Фонъ-Визинъ въ запискахъ разсказываетъ *):

„Я слышалъ отъ графа Петра Александровича Толстаго, который былъ при Павлѣ 1-мъ генералъ-адъютантомъ, одно важное обстоятельство, малоизвѣстное, но которое онъ, будучи тогда въ Петербургѣ, могъ знать по своимъ близкимъ сношеніямъ съ главными заговорщиками,--„актъ конституціонный".

Панинъ, Паленъ и другіе вожди заговора хотѣли воспользоваться имъ, чтобы ограничить самодержавіе, заставя Александра въ первую минуту принять этотъ конституціонный актъ и утвердить его своею подписью. Это намѣреніе извѣстно было и генералу Талызину, тогдашнему командиру преображенскаго полка, одному изъ главныхъ участ-

———————

*) М. А. Фонъ-Визинъ. Обозрѣніе проявленій политической жизни въ Россіи. Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX вѣка Т. I. Декабристы.

никовъ заговора и человѣку искренно-преданному Александру.

Талызинъ предупредилъ Александра, что въ рѣшительную минуту отъ него потребуютъ принятія и утвержденія конституціоннаго акта. Онъ убѣждалъ Александра ни подъ какимъ видомъ не давать на то согласія, обѣщая ему, что гвардія, на которую Талызинъ имѣлъ большое вліяніе, сохранитъ вѣрность Александру и поддержатъ его.

Александръ отвергъ предложеніе Панина, тѣмъ не менѣе мысль о дарованіи Россіи конституціи занимаетъ его въ первые годы царствованія. Самодержавіе въ лицѣ ученика Лагарпа вступаетъ на путь самоограниченія...

V.

Самъ Александръ чувствовалъ отвращеніе къ неограниченной власти въ началѣ своего царствованія, слѣдуя духу времени, не прѣникавшему, однако, его глубоко, желалъ, будучи наслѣдникомъ, дать странѣ народное представительство и постепенно подготовить ее къ принятію конституціи. Считая лучшей изъ революцій ту, которая идетъ сверху, Александръ принялся за реформы. Около него собирается тѣсный кружокъ молодыхъ друзей, сочувствующихъ преобразовательнымъ планамъ Александра.

Онъ отвергъ проектъ конституціоннаго акта, предложенный Паленомъ, и желалъ чтобы такой актъ выходилъ изъ свободнаго рѣшенія верховной власти, сознавшей, что тѣ формы, которыя хороши были при Іоаннѣ Грозномъ, уже не годятся для строя государственной жизни Россіи XIX вѣка.

Одно изъ первыхъ желаній вступившаго на престолъ Императора было: обнародовать „всемилостивѣйшую грамоту Россійскому народу“. Изготовить ее было поручено Трощин-

скому [1]) и Новосильцеву. Грамота возвѣщала о вольностяхъ каждаго россіянина. Онъ обращался въ гражданина, и ему должно было быть торжественно возвѣщено: „да пользуется невозбранно свободою мысли, вѣры, богослуженія, слова и рѣчи, письма и дѣянія, поколику они законамъ государственнымъ не противны и никому не оскорбительны“. [2])

„Вольности“, однако, не попали въ грамоту: она появилась съ милостями, но безъ „вольностей“. Зато вскорѣ же сенату было предложено составить доклады о своихъ правахъ и обязанностяхъ.

Мнѣнія сенаторовъ раздѣлились. Одни желали, чтобы сенату было даровано право ходатайствовать объ установленіи новыхъ налоговъ и податей, другіе (проектъ Зубова) высказывали мысль объ обращеніи сената въ законодательное собраніе. Въ позднѣйшемъ проектѣ Новосильцева—друга Александра — за сенатомъ оставлялась только лишь судебная власть, такъ какъ сенатъ не есть представительное учрежденіе, а члены его назначаются верховною властью; кромѣ того, предоставивъ сенату большія права, императоръ связалъ бы себѣ руки и не могъ бы выполнить всего задуманнаго имъ на общую пользу, потому что „въ невѣжествѣ этихъ людей т. е. сенаторовъ, встрѣтилъ бы себѣ помѣху, которая имѣла бы опасныя послѣдствія въ случаѣ борьбы между верховною властію и правительственными учрежденіями“. Александръ самъ желалъ предоставить сенату

---

[1]) Трощинскій до собранія неоффиціальнаго комитета былъ однимъ изъ самыхъ приближенныхъ лицъ къ молодому императору. Онъ состоялъ „у исправленія дѣлъ по довѣренности (монарха) возложенныхъ“.

[2]) Шильдеръ, Н. К. Императоръ Александръ I

[3]) Семевскій, В. И. „Изъ исторіи общественныхъ теченій въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка.

„охранительную власть , но право повѣрять министровъ не понравилось Александру. Въ такомъ случаѣ необходимо было установить прежде всего отвѣтственность министровъ.

Дѣло было отложено.

Негласный „комитетъ благоденствія“ (Кочубей, Строгановъ, Чарторыжскій, Строгановъ, Новосильцевъ) подъ предсѣдательствомъ Александра правитъ Россіей. Всѣ они молоды, всѣ настроены идеалистически, всѣ въ свободѣ признаютъ душу народа. Ко дню коронаціи комитетъ готовитъ небывалый актъ, обращающій вчерашнюю деспотію Россіи въ конституціонное государство. Императоръ намѣренъ дать своимъ подданнымъ хартію вольностей:

1) До произнесенія судебнаго приговора подсудимый не можетъ быть ограничиваемъ въ своихъ правахъ.

2) Призываемый на судъ въ правѣ избрать себѣ защитника, и какъ по гражданскимъ, такъ и по уголовнымъ дѣламъ допускается право отвода судей по законнымъ поводамъ.

3) Кто въ теченіе трехъ дней послѣ заарестованія не подвергнется допросу, въ правѣ требовать отъ ближайшихъ властей немедленнаго освобожденія изъ-подъ ареста.

4) По обвиненіямъ въ оскорбленіи величества наказуемы лишь дѣянія, но отнюдь не разговоры и не письменные документы.

5) Однажды получившій оправданіе по суду отнюдь не можетъ быть вторично привлекаемъ къ суду по тому же дѣлу.

6) Жалобы частныхъ лицъ противъ правительства должны быть разсматриваемы по правиламъ существующаго судопроизводства совершенно такъ же, какъ и всякія иныя жалобы.

7) Никакіе подати и налоги не подлежатъ введенію иначе, какъ путемъ именныхъ ука-

зовъ, объявляемыхъ сенатомъ во всеобщее свѣдѣніе. *)

Однако, и эта хартія не перешла изъ области прекрасныхъ мечтаній въ дѣйствительность.

Наступаетъ рабочая пора проектовъ Сперанскаго, сотрудника Кочубея. По порученію послѣдняго, онъ „втайнѣ занялся разными подготовительными работами къ предстоящему образованію“ министерства внутреннихъ дѣлъ, гдѣ Сперанскій былъ назначенъ „производителемъ дѣлъ“.

Начинается пора дѣйствительныхъ преобразованій. Сперанскій чертитъ широкій планъ. Александръ одобряетъ его мысли, приближаетъ къ себѣ, но на замѣнѣ коллегій министерствами и на реформѣ государственнаго совѣта, въ сущности, кончается все дѣло преобразованій.

Колосальная работа Сперанскаго осталась лишь для исторіи.

Любовь къ теоретическому либерализму, и реалистическія стремленія къ неограниченной власти уживалась рядомъ въ натурѣ Александра. Предсказать, который изъ этихъ элементовъ побѣдитъ, было нетрудно. Первоначальный планъ переустройства Россіи на конституціонныхъ началахъ сводился въ черновой редакціи Сперанскаго къ такой стройной организаціи:

„1) Всѣ состоянія государства, бывъ свободны, участвуютъ въ извѣстной мѣрѣ во власти законодательной. 2) Власть исполнительная вся принадлежитъ одному лицу, участвующему и утверждающему всякое законодательное дѣйствіе. 3) Есть общее мнѣніе,

---

*) Т. Шиманъ. Исторія Россіи въ царствованіе Николая I. Императоръ Александръ. Берлинъ (на нѣмецкомъ языкѣ).

См. также „Историческій Вѣстникъ“ № 12 — 1906 г. „Иностранцы о Россіи“ г. В. Ш.

оберегающее законъ въ исполненіи его. 4) Есть независимое сословіе народа, коему исполнители отвѣтствуютъ. 5) Существуетъ система законовъ гражданскихъ и уголовныхъ, принятая народомъ. 6) Судъ не лицами государя отправляется, но избранными отъ народа и имъ утвержденными исполнителями, кои сами суду подвержены не могутъ. 7) Всѣ дѣянія управленія публичныя, исключая нѣкоторое число случаевъ опредѣленныхъ. 8) Существуетъ свобода тисненія въ извѣстныхъ, съ точностію опредѣленныхъ, границахъ. 9) Существуетъ въ народѣ довольная степень просвѣщенія и обиліе во всѣхъ способахъ исполненія законовъ" *).

Основа работъ Сперанскаго—французская конституція 1799 года. Но работа была осложнена тѣмъ обстоятельствомъ, что отъ него ждали не декларацiи правъ народа, а „самодержавной конституціи государства".

Приходилось заботиться о сохраненіи „мѣстнаго колорита" и устанавливать тѣ вѣхи, слѣдуя которымъ, деспотія должна была постепенно принять „истинно монархическое правленіе". Отсюда разница между редакціями одного и того же проекта Сперанскаго. Въ окончательномъ своемъ видѣ онъ сводился къ слѣдующему:

Во главѣ имперіи неограниченный монархъ. Власть монарха опирается на Государственный Совѣтъ, члены котораго выборные.

Власти, административная, законодательная и судебная строго разграничены.

Административная власть: 1) министерства въ соединеніи съ сенатомъ; 2) губернскія управленія; 3) уѣздныя управленія; 4) волостныя управленія.

Законодательная власть: 1) Государственная Дума; 2) губернскія земскія

*) См. указанную выше статью В. И. Семевскаго. „Историческое обозрѣніе" I. 9.

собранія; 3) такія же уѣздныя; 4) волостныя собранія.

Судебная власть: 1) Сенатъ, вѣдающій судебныя дѣла; 2) губернскія судебныя установленія; 3) уѣздныя судебныя установленія; 4) волостные суды.(Судъ выборный).

Сенату отводится большая роль. Онъ состоитъ изъ двухъ частей: сенатъ законодательный и сенатъ исполнительный, причемъ послѣдній подраздѣляется, въ свою очередь, на части судную и управленія. Члены законодательнаго сената по назначенію, члены исполнительнаго—по выборамъ населенія.

Государственная Дума являлась органомъ народнаго представительства. Россія должна была получить новое политическое раздѣленіе, такъ чтобы губерніи образовались изъ раіоновъ съ численнымъ составомъ отъ 100—300,000 жителей. Государственный законъ для всѣхъ жителей общій, единообразный.

Выборы въ Думу происходятъ въ волостяхъ каждые три года, гдѣ съѣздъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ и старостъ казенныхъ имѣній образуютъ волостную думу. Волостная дума собираетъ депутатовъ въ окружную думу. Послѣдняя въ свою очередь избираетъ изъ своей среды депутатовъ въ губернскую думу, членовъ окружнаго совѣта и суда.

Изъ губернской думы, послѣ четырехстепеннаго голосованія выборные становятся уже членами Государственной Думы. Она собирается каждую осень. Собранію ея не предшествуетъ какое-либо оповѣщеніе. Сессія продолжается безъ срока, до тѣхъ поръ, пока не будутъ закончены разсмотрѣніемъ всѣ очередныя дѣла. Сама Дума, въ организаціи своихъ занятій, раздѣляется на шесть комиссій. Комиссіи лишены права почина, за исключеніемъ вопросовъ, касающихся государственныхъ нуждъ и недостатковъ, привлеченія къ отвѣтственности министровъ, или представленій о нарушеніи основныхъ зако-

вовъ. Права общаго собранія Думы почти не выяснены.

Въ 1809 году планъ Сперанскаго былъ Высочайше одобренъ. Если это и не была конституція въ западномъ смыслѣ этого понятія съ современной точки зрѣнія, то, во всякомъ случаѣ, давая хотя тѣнь самоуправленія, она ограничивала произволъ власти, сводила деспотически управляемое государство въ рамки правового порядка и законности. Но какъ могли осуществиться законность и право, когда цѣлое многомилліонное крестьянское сословіе пребывало въ рабствѣ жертвой произвола и насилія. Сторонникъ освобожденія крѣпостныхъ рабовъ, Сперанскій долженъ былъ, однако, дѣлать уступку и замѣчать, что „рабы всегда и вездѣ существовали (въ самыхъ республикахъ число ихъ равнялось почти числу гражданъ, а участь ихъ тамъ была еще горше, нежели въ монархіяхъ), но, „не должно, однако же, изъ сего заключать, чтобы рабство гражданское было необходимо. Мы видимъ государства обширныя и многонаселенныя, въ коихъ рабство сего рода мало-по-малу уничтожилось. Нѣтъ никакихъ основаній предполагать, чтобы и въ Россіи не могло оно уничтожиться, если приняты будутъ къ тому дѣйствительныя мѣры".

За всѣми гражданами устанавливаются равныя гражданскія права:

1) Никто не можетъ быть подвергнутъ какому-либо наказанію помимо судебнаго приговора.

2) Никто не долженъ отправлять личныхъ услугъ по произволу другого, но самый законъ опредѣляетъ въ зависимости отъ сословнаго положенія личности родъ и объемъ службы или личныхъ повинностей, какія данная личность обязана отправлять.

3) Всякій имѣетъ право пріобрѣтать движимое и недвижимое имущество, распоряжаясь имъ на общемъ законномъ основаніи (вла-

дѣніе недвижимыми населенными имѣніями ограничивается, однако же, принадлежностью къ извѣстнымъ сословіямъ).

4) Никто не обязанъ оказывать матеріальныхъ услугъ по произволу другого.

Но равныя гражданскія права не уравниваютъ еще правъ политическихъ. Для полученія ихъ необходимо имѣть нѣкоторый имущественный и образовательный цензъ.

Прежнія ограничительныя попытки самодержавія шли отъ знати. Знать сама расчищала себѣ путь къ власти, теперь къ ней—родовой и служилой—прибавленъ новый элементъ, достаточные и образованные круги. Остальные же широкіе круги оставлены внѣ сферы вліянія на государственныя дѣла.

Несовершенство проекта понималъ и самъ его творецъ. Онъ смотрѣлъ на свой планъ, какъ на переходную ступень.

„Сей образъ правленія,—говорилъ онъ,—со временемъ можетъ удобно превратиться въ совершенную монархическую систему; онъ воспитаетъ духъ народа къ другому порядку вещей. Когда приспѣетъ время, то-есть, когда разлитіемъ просвѣщенія и сопряженіемъ многихъ обстоятельствъ, отъ времени зависящихъ, созрѣетъ возможность лучшаго управленія, тогда безъ всякой почти перемѣны и въ тѣ же, такъ сказать, рамы вмѣстится другое устройство, не на видимомъ порядкѣ, но на внутреннемъ и вещественномъ основаніи. Тогда надобно только будетъ сенатъ законодательный составить на другой, лучшей системѣ, переименовать сенатъ судный высшимъ судомъ и, основавъ его, подобно прочимъ частямъ управленія на единствѣ, ввести съ ними въ параллельное положеніе; тогда все превратится въ истинную монархическую систему“.

Мечтѣ Сперанскаго не было суждено осуществиться. Война съ Наполеономъ поставила предъ Александромъ ту же дилемму, какъ и предъ его царственной бабкой: опереться-ли

на темную силу старой Россіи или итти рука объ руку съ новой. Онъ предпочелъ первое и круто повернулъ вправо. Судьба готовила ссылку Сперанскому и вѣнецъ власти Аракчееву. Характерно, однако, то, что утопая въ мутныхъ волнахъ реакціи, Александръ не разъ возвращается къ мечтамъ своей юности—пустоцвѣтамъ, не давшимъ никакихъ сѣмянъ. Такъ, въ 1819 году, Новосильцеву дано порученіе составить „государственную уставную грамоту Россійской Имперіи". Въ разработкѣ ея и редакціи принимали участіе французъ, юристъ Дешампъ (Deschamps), и князь Вяземскій.

Духъ реакціи сказался и на проектѣ Новосильцева. Онъ является не шагомъ впередъ, а назадъ отъ начертаній Сперанскаго.

Народное представительство уже носитъ чисто совѣщательный характеръ. Его функціи опредѣляются произволеніемъ Государя.

Система принята вмѣсто однопалатной двухпалатная, обѣ палаты образуютъ государственный сеймъ. Верхняя палата—обновленный сенатъ (члены по выборамъ и назначенію).

Для выборщиковъ устанавливается: 30-лѣтній возрастъ, полныя права гражданства и уплата извѣстныхъ налоговъ.

„Государственный сеймъ входитъ въ обсужденіе законопроектовъ, вносимыхъ Государственнымъ Совѣтомъ по Высочайшему повелѣнію и касающихся увеличенія или пониженія налоговъ, ихъ распредѣленія, разсмотрѣнія государственнаго бюджета и иныхъ предметовъ, какіе Государю угодно будетъ поручать разсмотрѣнію на сеймѣ. Сеймъ обсуждаетъ составляемый въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта общій отчетъ о наличномъ положеніи государства и провѣряетъ таковой въ спеціальныхъ своихъ комиссіяхъ (по законодательству, по управленію и по финансовой части).

Далѣе, сеймъ заслушиваетъ тѣ представле-

нія, съ которыми депутаты входятъ отъ имени своихъ довѣрителей, и препровождаетъ извлеченія изъ этихъ представленій, въ видѣ точно формулированныхъ на письмѣ (en cahiers) пожеланій, въ Государственный Совѣтъ для поднесенія ихъ на Высочайшее разрѣшеніе.

Составленные въ Государственномъ Совѣтѣ законопроекты могутъ быть обсуждаемы и въ спеціальныхъ комиссіяхъ сейма, но для дальнѣйшей переработки, согласно соображеніямъ, высказаннымъ въ комиссіяхъ, опять возвращаются обратно въ Государственный Совѣтъ. За Государемъ усвояется право созывать сеймъ, продолжать его сессіи, закрывать и распускать его.

Обычная продолжительность сессіи опредѣляется въ 30 дней. Отъ усмотрѣнія же Государя зависитъ, въ какую изъ палатъ долженъ быть внесенъ извѣстный законопроектъ, обсужденіе котораго вполнѣ свободно и гласно.

Голосованіе производится устно, простымъ большинствомъ голосовъ, причемъ результатъ его заносится только въ видѣ выраженія мнѣнія или пожеланія.

Если законопроектъ принимается одною палатою, то другая палата не вправѣ уже вносить никакихъ измѣненій въ проектъ, но должна просто его принять или отвергнуть.

По принятіи законопроекта обѣими палатами, онъ представляется государю, который воленъ его утвердить или отклонить.

Не исключаются изъ выборовъ ни чиновники, ни военные, но какъ тѣ, такъ и другіе „должны на это получить разрѣшеніе отъ начальства“.

Ст. 91-я проекта гласила, что русскому народу навѣки даруется народное представительство. Представительство это будетъ заключаться въ сеймѣ (diète), состоящемъ изъ Государя и изъ двухъ палатъ. Первая, высшая палата образуется изъ сената, а вторая—палата пословъ (депутатовъ)—изъ провинціаль-

ныхъ пословъ и представителей отъ общинъ. Другія статьи гарантировали свободу личности, совѣсти и печати въ предѣлахъ, закономъ дозволенныхъ.

О дарованіи странѣ коренныхъ реформъ Александръ продолжалъ думать и въ 1825 г., и продолжалъ, какъ прежде, рѣшать гамлетовскій вопросъ: „быть или не быть?“

И власть тяготила его, и разстаться съ нею было жаль...

VI.

Александръ умеръ, ничего почти не проведя въ жизнь изъ своихъ мечтаній. Въ юности онъ шелъ впереди вѣка, наравнѣ съ передовыми силами страны, но въ минуты, когда отъ него зависѣла судьба Россіи, онъ круто повернулъ назадъ со своего прежняго пути. Его правительство, на протяженіи четверти вѣка столько говорившее о „благѣ Россіи“, столько мечтавшее о необходимости реформъ, доказало свое полное безсиліе. Оно само установило фактъ невозможнаго хаоса въ управленіи Россіи, само поставило точки надъ „і“ и само же трусливо ставило крестъ на былыхъ упованіяхъ. Но эти упованія жили среди общества. Послѣднее поняло, что безъ борьбы оно не добьется уступокъ, и самодержавіе добровольно не поступится ни одной изъ своихъ прерогативъ.

Александръ отвернулся отъ своихъ былыхъ союзниковъ. Союзники отвернулись отъ Александра. Онъ уже измѣнилъ идеаламъ своей юности, они остались свято вѣрными имъ, потому что только осуществленіе этихъ идеаловъ обѣщало благо Россіи — Россіи свободной, а не придавленной ярмомъ деспотизма.

... Время шло. Неосуществленныя мечты просили выхода.

Война, походъ въ Европу, паденіе Сперанскаго, возвеличеніе Аракчеева, сумерки на-

двигающейся реакціи и охлажденіе самого Императора къ грезамъ своей юности.

А въ это же время побѣдоносная русская армія, послѣ долгаго пребыванія въ Европѣ, возвращалась въ мракъ своей Азіи. Контрастъ свѣта и тьмы, права и произвола, свободы и рабства...

Могло-ли русское общество или, вѣрнѣе, его передовые, интеллигентные слои остаться безучастными зрителями начинающейся россійской трагедіи? Можно-ли было вытравить всходы освободительной идеи изъ сердецъ и душъ?

Темная Азія считаетъ все возможнымъ. Аракчеевы давятъ и гнетутъ, Магницкіе и Руничи кастрируютъ мысль и слово, но общество не забыло и не могло забыть во тьмѣ о свѣтѣ. Оно зажигаетъ во тьмѣ свѣтильникъ, робкій, колеблющійся, но яркій. Подавленная общественность, вычеркнутая уже оффиціально изъ списка живыхъ, стремится сплотить свои разрозненные элементы.

Зарождается рядъ обществъ и союзовъ. Въ силу условій времени имъ приходится дѣйствовать тайно. Правительство вмѣсто того, чтобы дать просторъ живымъ силамъ, давитъ ихъ, окружаетъ футляромъ оффиціальности. Существованіе и ростъ т а й н ы х ъ обществъ ни для кого не т а й н а. Самъ Императоръ, охладѣвшій къ своимъ былымъ мечтамъ, зналъ объ ихъ существованіи и призналъ, что не ему поднимать на нихъ руку. Онъ самъ когда-то вѣрилъ въ то же самое.

Россія жаждетъ реформъ. Только онѣ однѣ могутъ спасти ее и повернуть на правильный путь. Александръ не разъ возвращается къ своимъ былымъ планамъ и умираетъ, не приведя ихъ въ исполненіе и не оставивъ прямого наслѣдника послѣ себя.

Николай Павловичъ присягаетъ брату Константину. Объ отреченіи послѣдняго не знаетъ даже будущій Императоръ. Константинъ не даетъ формальнаго отреченія.

Болѣе трехъ недѣль длится междуцарствіе. Изъ Варшавы въ Петербургъ, а изъ Петербурга въ Варшаву (гдѣ жилъ Великій Князь Константинъ) летятъ курьеры.

Наконецъ, только 14 декабря объявляется оффиціально о воцареніи Николая I, и вся Россія приводится къ вторичной присягѣ.

„Декабристы“ воспользовались этимъ переходнымъ моментомъ и безъ надежды на успѣхъ рѣшили сложить свои головы... За что?

За то же самое благо Россіи, которое видѣлъ въ свободныхъ учрежденіяхъ умершій Императоръ, за тѣ же мечты и надежды, которыми жилъ въ молодости Александръ I, видя въ конституціонномъ устройствѣ Россіи источникъ ея свободы.

Если среди нихъ были крайніе элементы, шедшіе дальше въ своихъ желаніяхъ, то они, во всякомъ случаѣ, не выражали совокупности требованій декабристовъ.

Эти требованія въ главныхъ чертахъ сводились къ обузданію самовластія и ограниченію самодержавія путемъ устройства Россіи на конституціонныхъ началахъ. Не кучка людей, какъ прежде, уже желала захватить власть въ свои руки, самовольно распоряжаясь ею. Лучшіе люди Россіи, цвѣтъ страны, въ основу своихъ чаяній и надеждъ полагали общее благо народное. На первомъ планѣ выступало освобожденіе крѣпостныхъ рабовъ. Одни изъ декабристовъ освобожденіе крестьянъ ставили во главу угла, считали его первымъ актомъ реформы. Другіе полагали за лучшее прежде всего добиться новаго устройства государства, первымъ актомъ котораго явится освобожденіе милліоновъ. Этимъ шагомъ новое государственное устройство безповоротно отречется отъ стараго пути.

О „заговорѣ“ декабристовъ правительство знало задолго до 14-го декабря. Самъ Александръ I былъ освѣдомленъ и о существова-

ніи тайныхъ политическихъ обществъ, и о недовольствѣ среди войска и массъ, но онъ не измѣнялъ своего режима самовластія и произвола.

Извѣстенъ отвѣтъ Александра на докладъ командира гвардейскаго корпуса, князя Васильчикова:

— Вы знаете, что я самъ раздѣлялъ и поощрялъ всѣ эти мечты и заблуждался. Не мнѣ подобаетъ быть строгимъ.

Уставъ „Союза благоденствія“ былъ хорошо знакомъ Александру. Позднѣе изъ этого союза возникли два общества: Южное и Сѣверное.

Чѣмъ сильнѣе сгущался мракъ надъ Россіей, тѣмъ оживленнѣе, лихорадочнѣе становилась дѣятельность обществъ. 1825-й годъ былъ расцвѣтомъ ихъ существованія. Выростала сильная, смѣлая, беззавѣтно преданная своимъ идеаламъ оппозиція правительству. Голосъ общества звучалъ все громче и громче.

14-го декабря было демонстраціей передовыхъ силъ русскаго освободительнаго движенія, своего рода показателемъ, что русское общество уже выросло изъ пеленокъ опеки, произвола и безправія.

Событій 14-го декабря могло вовсе не быть—если бы рѣка русской исторіи шла по начатому Александромъ I пути. Они произошли, потому, что само правительство отвернулось отъ своихъ былыхъ союзниковъ и прежнія свои „увлеченія“ поставило въ вину людямъ, когда-то слѣпо вѣрившимъ обѣщаніямъ и мечтамъ Александра I...

Увѣрены-ли были сами участники въ осуществленіи своихъ плановъ? Нѣтъ. И эта неувѣренность погубила весь успѣхъ дѣла. Южное общество, располагавшее огромными силами, увлеклось теоретическими умозрѣніями, вмѣсто практическихъ дѣйствій. Поэтъ революціи и одинъ изъ главарей Сѣвернаго общества—Рылѣевъ, наканунѣ дня 14-го де-

кабря, не вѣрилъ въ успѣхъ возстанія, но былъ убѣжденъ, что его нужно начать, потому, что „начало и примѣръ принесутъ свои плоды".

„Мятежники съ злодѣйскими замыслами", какъ ихъ назвало николаевское правительство, дѣйствовали не изъ-за угла, дѣйствовали явно, открыто высказывая свой протестъ *). Они смотрѣли на свое дѣло, какъ на подвигъ, какъ на примѣръ для будущихъ поколѣній.

— Судьба наша рѣшена,—говорилъ тотъ же Рылѣевъ,--но мы начнемъ. Я увѣренъ, что погибнемъ, но примѣръ останется.

Недаромъ даже Николай I засвидѣтельствовалъ высокую нравственную чистоту Рылѣева. Онъ отозвался о своемъ главномъ врагѣ:

— Въ Рылѣевѣ я вижу соединеніе всѣхъ добродѣтелей.

Но и это „соединеніе" не помѣшало верховному судилищу обречь Рылѣева на мучительную казнь четвертованіемъ. Николай I смягчилъ приговоръ и приказалъ... повѣсить.

Въ результатѣ — сотни жертвъ лучшихъ силъ родины, возвращеніе въ дебри мрачной Сибири, казни, каторга, ссылки, аресты и подозрѣнія людей, честно мыслящихъ, положившихъ душу свою за осуществленіе мечты о счастьи Россіи.

Россія рукою своего правительства вырвала изъ своей среды лучшихъ, стойкихъ и энергичныхъ людей. И сама обезлюдѣла.

Вмѣсто того, чтобы поправить ошибку нерѣшительнаго царствованія Александра I, Николаю I пришлось „на благо и счастье Рос-

*) О ноябрьскихъ собраніяхъ зналъ даже генералъ Милорадовичъ, но не предпринималъ никакихъ мѣръ. Большинство генералитета и сановниковъ пассивно сочувствовало движенію, и если примкнуло потомъ къ „побѣдителямъ", то оттого, что исповѣдывали принципъ: „сила солому ломитъ".

сіи" задержать ея ростъ искусственными плотинами, замедлить ходъ русской исторіи.

14-ое декабря 1825 года было началомъ, разгромъ Севастополя эпилогомъ той эпопеи, которая можетъ быть названа одной изъ печальнѣйшихъ трагедій исторіи XIX вѣка.

„Ужасный заговоръ", о которомъ оповѣщало оффиціальное „подробное описаніе происшествія 14-го декабря 1825 года", сводился вовсе не къ тѣмъ ужасамъ, о которыхъ велерѣчиво, извращая факты, повѣствовало правительство.

Исторія прояснила факты прошлаго, на которые цензура накинула свою тяжелую завѣсу.

Ложью было заявленіе объ умышленіи на жизнь царской фамиліи со стороны декабристовъ, ложью сознательной являлось обвиненіе ихъ въ желаніи безначалія (четырнадцать дней междуцарствія было именно временемъ безначалія, допущеннаго со стороны не декабристовъ, а отсутствія „законнаго" правительства). „Убіеніе всѣхъ мирныхъ гражданъ и разграбленіе имуществъ",—обвиненіе, которое могли возвести на обвиняемыхъ только беззастѣнчивые, неразборчивые въ средствахъ прокуроры.

Какъ бы то ни было, ясно теперь одно: „люди, недостойные имени россіянъ", полегли костьми за свободу родины, а истинные россіяне ковали новыя цѣпи и для борцовъ, и для мирныхъ обывателей.

Николаевское правительство не вынесло никакого полезнаго для себя урока изъ „происшествія" 14-го декабря; оно не сумѣло даже для себя изъ кажущагося зла извлечь благо. Вмѣсто того, чтобы первый ударъ надвигающейся надъ Россіей грозы принять на себя и постараться необходимыми реформами загладить промахи прошлыхъ лѣтъ, новое правительство Николая I вступило въ бой со стихіей. Оно желало и стремилось заставить

[illegible] Россію говорить своимъ языкомъ, вмѣсто [illegible] выдвигало угрозы, наряжало слѣдствія, [illegible] производило аресты, строило висѣлицы, гноило свои жертвы въ рудникахъ Сибири...

И оставалось, подобно нераскаянному [illegible] грѣшнику, вполнѣ увѣреннымъ и въ „правильности своего суда“, и въ „помощи неба“ своимъ дѣйствіямъ, и въ томъ, что принятыми мѣрами (т. е. судомъ и наказаніемъ) истребитъ „корень зла, давно уже гнѣздившагося“.

Правительство, опиравшееся на темную массу и на толпу рабовладѣльцевъ, было убѣждено, что его положеніе на „Святой Руси“ вполнѣ прочно и непоколебимо.

Произволъ и безсиліе, рабство и холопство во всѣхъ видахъ и формахъ, подавленность личности и отсутствіе всякой инициативы—таковы были оплоты „Святой Руси“. Всякій протестъ противъ нихъ считался посягательствомъ на „основы“, несвойственнымъ „душамъ благороднымъ, несовмѣстимымъ съ духомъ россіянъ“—заразой, занесенной къ намъ извнѣ.

Противъ „заразы“ николаевское правительство боролось стойко, всѣми доступными для деспотическаго правительства мѣрами. Оно закрывало каѳедры въ университетахъ, обращало самые университеты въ казармы, изгоняло профессоровъ и заставляло читать лекціи чиновниковъ; журналистика была взята подъ тройную цензуру, литература окована цѣпями, угашалось свободное слово, и изгонялась всякая независимая мысль; идеѣ общественности была противопоставлена идея государственности. Самодержавіе, православіе и народность, понимаемыя въ узко оффиціальномъ смыслѣ, объявлялись незыблемыми устоями русской жизни. Всякій протестъ, какъ бы онъ ни былъ невиненъ, подавлялся полицейскими мѣрами, и лучшіе люди Россіи уходили на Западъ. лавая Аннибалову клятву

не примиряться съ позорной дѣйствительностью.

Но ручей русской общественной мысли, скованный ледянымъ панцыремъ, не могъ замерзнуть: теченіе его быстрыхъ струй мѣшало ему обратиться въ ту тихую заводь, какою явилась уже оффиціальная жизнь въ Россіи.

Общественныя силы углубились, но не замерли. Идетъ накопленіе ихъ энергіи. Время беретъ свое. Придавленная литература выдвигаетъ своихъ трибуновъ и пламенныхъ апостоловъ. Подъ эзоповскимъ языкомъ горитъ чистая мысль, слышится огненное вдохновеніе. Все самобытное, яркое, талантливое въ сторонѣ отъ правительства. И оно идетъ вѣрнымъ шагомъ, задыхаясь въ атмосферѣ гнили и застоя, но гордое своимъ торжествомъ къ развалинамъ Севастополя, подъ градомъ перекрестныхъ насмѣшекъ и ненависти всего Запада. Его союзникъ—темная сила, но и темная сила уже не та. Развалины Севастополя открываютъ глаза.

То, отъ чего такъ долго отрекалось правительство, но, что составляло фундаментъ помысловъ лучшихъ людей, начиная отъ Радищева и кончая декабристами, на чемъ строило базу правительство, потакая произволу крѣпостниковъ, становится даже для послѣдняго позорнымъ фактомъ, устраненіе котораго необходимо. Это — крѣпостное право. Отмѣна его произошла потому лишь, что духъ времени уже расшаталъ одну изъ основъ самодержавія, что въ противовѣсъ крѣпостническому элементу русское общество уже смогло выдвинуть цѣлую фалангу самоотверженныхъ дѣятелей, воспитанныхъ въ новой школѣ.

Подъ свистопляску крѣпостниковъ рухнулъ этотъ „устой“ русской жизни, но старая закваска была еще сильна.

VII.

Еще не успѣла закончиться реформа освобожденія крестьянъ, какъ правительственныя сферы уже ясно потянуло вновь въ объятія реакціи.

Реформы Александра II остановились на полпути; вмѣсто рѣзкаго поворота курса государственнаго корабля къ маякамъ новой жизни, дипломатическіе маневры, а затѣмъ возвращеніе къ старой, родной Азіи—колыбели деспотіи. Ни одна изъ великихъ реформъ, дѣйствительно великихъ въ своей сущности, но не въ исполненіи, не доведена до конца.

Самодержавное правительство встаетъ въ открытую оппозицію съ лучшими намѣреніями лучшей части русскаго общества.

Оно снова берется за тѣ же давно испытанныя средства: за бичи и скорпіоны, угашая „вольный духъ“ и подавляя „крамолу“. Путь отъ славы къ безславію пройденъ быстро, а подавленная, замученная произволомъ страна кипитъ и волнуется. Тысячи молодыхъ жизней гибнутъ въ тюрьмахъ, въ Сибири на поселеньи и каторгѣ. За вольную мысль, за свободное слово, за проповѣдь началъ иной жизни правительство гноитъ въ тюрьмахъ однихъ, ссылаетъ другихъ. Мирная пропаганда, съ которой правительство вступило въ борьбу не тѣми же мирными средствами, переходитъ въ терроръ. На терроръ съ одной стороны—другая отвѣчаетъ тѣмъ же орудіемъ. Положеніе съ каждымъ днемъ становится все тревожнѣе, все запутаннѣе.

Время идетъ. Русское общество возмужало. За нимъ уже стоятъ годы борьбы. Оно уже освящено кровью мучениковъ, обсѣменено трудами поколѣній новыхъ сѣятелей. Все наиболѣе интеллигентное, честное, талантливое на сторонѣ общества. Оно сильно правдой и вѣрою...

Реакція сама себя загнала въ тупикъ, откуда нѣтъ выхода. Объявляется „диктатура сердца“.

Лорисъ-Меликовъ задумываетъ политическое обновленіе Россіи, подготовляется знаменитая—въ томъ смыслѣ, что оставалась долгое время для многихъ на положеніи „прекрасной незнакомки“—лорисъ-меликовская „конституція“.

Какъ бы то ни было, самодержавіе, въ лицѣ Александра II и круга бюрократіи, ясно сознало, что въ затхлую атмосферу, хотя ради уваженія Европы, необходимо пустить свѣжую струю воздуха.

Для чистки авгіевыхъ конюшенъ въ провинцію командируются диктаторомъ сенаторы для производства общей ревизіи. Впрочемъ, командировка ихъ ограничивается предѣлами восьми центральныхъ губерній. Но сенаторы являются не только ревизорами: они ѣдутъ въ качествѣ свѣдущихъ лицъ, избранныхъ отъ правительства. Они должны дать правительству свѣдѣнія, почерпнутыя непосредственно на мѣстахъ, отвѣтить на вопросы, отвѣты, которые, въ сущности, правительство имѣло отъ своихъ ставленниковъ-губернаторовъ, жандармеріи, полиціи и проч. Но Лорисъ-Меликовъ не вѣритъ своимъ ставленникамъ, желаетъ провѣрить ихъ показанія—показаніями сенаторовъ.

Поэтому, имъ задается рядъ вопросовъ. Такъ, напр., сенаторы-ревизоры должны отвѣтить: „какое вліяніе на настроеніе умовъ имѣла и имѣетъ система административныхъ высылокъ вообще и въ особенности высылка неблагонадежныхъ въ политическомъ отношеніи. Требуетъ-ли эта система какихъ-либо измѣненій, и какихъ именно?“.

„Неблагонадежный элементъ“,—т. е. всѣ тѣ, кто не сочувствовалъ тріумфу реакціи, всѣ тѣ, кто имѣлъ смѣлость мыслить вслухъ и даже думать про себя, что правительство идетъ само къ вѣрной гибели и къ гибели же ведетъ Россію,—съ каждымъ годомъ усиливался. Правительство, занятое сыскомъ, отыскивало дѣятельно „крамолу“ во всѣхъ сло-

яхъ общества: въ печати, земцахъ, ученомъ мірѣ, представителяхъ школы и городского самоуправленія, во всей интеллигенціи, не говоря уже объ учащейся молодежи. Послѣдняя долгое время оставалась главной активной силой при пассивномъ сочувствіи общества и на своихъ юныхъ плечахъ выносила гнетъ самовластья, борясь за лучшіе дни свободы.

Не довѣряя обществу, явно сочувствующему освободительнымъ идеямъ, не считаясь съ его голосомъ, правительству пришлось, однако, прислушаться къ новымъ, все настойчивѣе и настойчивѣе раздававшимся голосамъ. Они шли изъ темной крестьянской среды, среды, которую насильственно задерживали во мракѣ, искусственно отдѣляли отъ вліянія интеллигенціи. Поэтому то въ „особой инструкціи сенаторамъ“ предписывалось обратить особенное вниманіе на то: „не замѣчается ли въ крестьянахъ толковъ о новомъ надѣленіи ихъ землею, о такъ называемомъ въ Великороссіи черномъ передѣлѣ, а въ Малороссіи— „слушномъ часѣ“. Кромѣ того предлагалось ревизорамъ удостовѣриться въ настроеніи умовъ крестьянскаго населенія, узнать, „были-ли за послѣднее время волненія, чѣмъ они вызваны, и какія мѣры приняты къ ихъ прекращенію“. Правительство пришло къ заключенію, что въ Россіи далеко не все обстоитъ благополучно, что необходимо „возвращеніе государственной жизни къ правильному и законному ея теченію“. Но возвращеніе къ чему? Къ общественному небытію, если бы это было только возможно. Но угасить духъ жизни невозможно никакими репрессіями. Самъ реформаторъ государственной жизни, Лорисъ-Меликовъ, ни слова не говоритъ объ отклоненіи правительственнаго курса вправо, но сваливаетъ всю вину, видитъ первопричину всѣхъ золъ въ распространеніи анархическихъ лжеученій, „которыя, дескать, пріостановили „пагубными проявленіями своими спо-

койное развитіе преобразованій, предпринятыхъ на благо Россіи съ первыхъ же дней восшествія императора Александра II на прародительскій престолъ*)".

Графъ Лорисъ совершенно умалчиваетъ о настоящей причинѣ и несоотвѣтствіи косности правительства съ прогрессомъ русской общественности, о томъ, что вѣка не даромъ пролетѣли надъ Россіей, а государственный строй остался весь тѣмъ же, такъ какъ основой его оставался тотъ же произволъ, то же самовластіе.

17-го февраля 1881 года, „въ видахъ установленія главнѣйшихъ положеній" по сему дѣлу было Высочайше повелѣно:

„1) Сдѣлать нынѣ же распоряженіе, чтобы находящіеся въ разныхъ министерствахъ и другихъ центральныхъ учрежденіяхъ матеріалы, имѣющіе отношеніе къ перечисленнымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ вопросамъ, были собраны, сгруппированы по однороднымъ предметамъ и приведены въ такой порядокъ, въ какомъ, по усмотрѣнію подлежащаго министра, они могли бы съ удобствомъ быть подвергнуты соображенію подготовительныхъ комиссій.

2) На окончаніе этихъ (п. 1) работъ назначить срокъ, совпадающій съ окончаніемъ сенаторскихъ ревизій. По представленіи же сенаторами добытыхъ изъ ревизіи данныхъ, дополнить ими собранные въ центральныхъ учрежденіяхъ матеріалы и установить тѣ вопросы и предположенія, которые въ теченіе осени могли бы быть внесены въ подготовительныя комиссіи.

3) Подготовительныя комиссіи учредить изъ членовъ правительственныхъ вѣдомствъ

---

*) Докладъ графа Лорисъ-Меликова императору Александру III отъ 6-го марта 1881 года. Воспроизведенъ въ журналѣ „Всемірный Вѣстникъ", октябрь 1905 г.

и приглашенныхъ съ Высочайшаго соизволенія, свѣдущихъ служащихъ и неслужащихъ лицъ, извѣстныхъ своими спеціальными трудами въ наукѣ или опытностью по разнымъ отраслямъ государственнаго управленія или народной жизни. На обязанность сихъ комиссій возложить составленіе законопроектовъ въ тѣхъ предѣлахъ, кои будутъ указаны Высочайшею волею.

4) Составленные подготовительными комиссіями законопроекты, предварительно внесенія установленнымъ порядкомъ въ Государственный Совѣтъ, передавать, по Высочайшему повеленію, на обсужденіе общей комиссіи, учреждаемой на нижеслѣдующихъ основаніяхъ.

5) Общая комиссія, подъ предсѣдательствомъ лица, непосредственно избраннаго Высочайшею властью, составляется: а) изъ назначенныхъ по Высочайшему повелѣнію къ постоянному присутствованію въ оной лицъ, принимавшихъ участіе въ работахъ подготовительныхъ комиссій; б) изъ выборныхъ отъ губерній, въ коихъ введено положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, и отъ нѣкоторыхъ значительнѣйшихъ городовъ; и в) изъ назначенныхъ особымъ порядкомъ членовъ отъ тѣхъ мѣстностей, въ коихъ положеніе о земскихъ учрежденіяхъ не дѣйствуетъ.

6) Отъ губерній, въ коихъ введено положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, избирается въ составъ общей комиссіи по одному или по два члена, соображаясь съ населеніемъ губерніи. Избраніе предоставляется губернскимъ земскимъ собраніямъ.

7) Члены отъ значительнѣйшихъ городовъ избираются городскими думами, въ столицахъ—по два, въ прочихъ городахъ—по одному.

8) Губернскимъ земскимъ собраніямъ и городскимъ думамъ предоставляется избрать членовъ общей комиссіи, какъ изъ среды гласныхъ, такъ и изъ другихъ лицъ, пріобр.

лежащихъ къ населенію губерніи или города.

9) Порядокъ и условія назначенія въ общую комиссію представителей отъ мѣстностей, въ коихъ положеніе о земскихъ учрежденіяхъ не дѣйствуетъ, имѣютъ быть опредѣлены особо.

10) Члены подготовительныхъ комиссій, не назначенные къ постоянному участію въ занятіяхъ въ общей комиссіи, присутствуютъ въ ней съ правомъ голоса при обсужденіи тѣхъ законопроектовъ, въ составленіи которыхъ они участвовали.

11) Для занятій общей комиссіи назначается опредѣленный срокъ.

12) Работы общей комиссіи имѣютъ значеніе совѣщательное. „Учрежденіемъ ея не измѣняется существующій нынѣ порядокъ возбужденія законодательныхъ вопросовъ и окончательнаго ихъ обсужденія. Разсмотрѣнные общею комиссіею законопроекты вносятся законнымъ порядкомъ въ Государственный Совѣтъ подлежащими министрами, съ изложеніемъ и собственнаго заключенія министра. За установленіемъ силъ главныхъ положеній предстояло, согласно Высочайшимъ указаніямъ, опредѣлить въ ближайшемъ будущемъ требуемыя означеннымъ повелѣніемъ подробности касательно состава, созыва и порядка дѣйствій предположенныхъ комиссій; а между тѣмъ центральныя учрежденія обязывались немедленно приступить къ собранію и разработкѣ матеріаловъ по вопросамъ, кои будутъ подлежать обсужденію въ подготовительныхъ комиссіяхъ“.

1-го марта 1881 г. утромъ, въ день своей кончины, императоръ Александръ II послѣ долгихъ колебаній подписалъ проектъ лорисъ-меликовской реформы (конституціи). Въ чемъ же заключалась эта куцая конституція, подписанная государемъ послѣ убѣжденія, что она нисколько не нарушаетъ правъ самодержавія? Что давало правительство въ отвѣтъ на долгое ожиданіе общества настроеннаго

въ духѣ реформъ, сочувствующаго освободительному движенію, но вовсе не зараженнаго „анархическими лжеученіями“?

Уступки, на которыя пошло, наконецъ, вынужденно правительство общественному мнѣнію, казались даже самому Лорисъ-Меликову недостаточными, только первымъ шагомъ. Правительство установило новый путь въ сближеніи высшей администраціи съ представителями отъ земства, созывало нѣчто въ видѣ земскаго собора. По проекту Лорисъ-Меликова создавалась при Государственномъ Совѣтѣ общая комиссія изъ земскихъ дѣятелей и свѣдущихъ людей, частью по избранію, частью даже по назначенію. Кромѣ того отъ министерствъ требовались: общая программа и согласованность дѣйствій.

Въ этой болѣе чѣмъ скромной реформѣ, Александръ II усмотрѣлъ намекъ на „генеральные штаты“. Однако, послѣ „болѣе зрѣлаго обсужденія Государь не нашелъ причинъ медлить болѣе съ обнародованіемъ акта, который, не сокращая нисколько его единодержавія, оставляя за нимъ полноту государственнаго суверенитета, только обезпечивалъ ему возможность совѣта и содѣйствія со стороны выдающихся мѣстныхъ дѣятелей“.

Мѣстные дѣятели, согласно акту 1-го марта, привлекались къ совѣщательному участію въ изготовленіи центральными учрежденіями законопроектовъ по тѣмъ вопросамъ, которые „признаны будутъ Высочайшею волею подлежащими нынѣ къ разрѣшенію, въ видахъ развитія и усовершенствованія Высочайше предначертанныхъ преобразованій“.

Въ докладѣ только-что вступившему на престолъ Александру III, Лорисъ Меликовъ указывалъ, что „плодотворная связь“ между правительствомъ и лучшими силами общественными уже испытана при разработкѣ крестьянской реформы, и на такомъ порядкѣ

вновь остановился покойный Императоръ, согласно волѣ котораго въ Петербургѣ учреждались временныя комиссіи. Работы этихъ комиссій, прежде внесенія ихъ на обсужденіе Государственнаго Совѣта, должны были быть подвергаемы совѣщательному разсмотрѣнію въ общей комиссіи съ участіемъ представителей отъ земства и нѣкоторыхъ значительныхъ городовъ.

По выслушаніи доклада Лорисъ-Меликова, Александръ III выразилъ, что ничто не въ силахъ побороть рѣшимости исполнить въ точности родительскій завѣтъ любви на благо ввѣренной ему Богомъ имперіи. Государь повелѣлъ „принять къ точному исполненію“ „священную волю своего державнаго родителя, какъ достойное всей его жизни прощаніе со своимъ народомъ“.

На проектѣ Лорисъ-Меликова Государь написалъ: „онъ составленъ весьма хорошо“. 8-го марта проектъ снова разсматривался въ совѣтѣ министровъ, и были поданы за него и противъ голоса. Реакціонная партія, однако, не дремала. Она всячески стремилась подорвать вѣру Царя въ пользу реформъ.

Та крошечная уступка—уступка, блѣднѣющая передъ проектами, составленными около ста лѣтъ назадъ Сперанскимъ и Новосильцевымъ—была названа либеральнымъ coup d'état (государственный переворотъ). Общая комиссія изъ земскихъ дѣятелей, выбранныхъ обществомъ и надѣленныхъ однимъ совѣщательнымъ голосомъ, изображалась „подобіемъ (?!) французскаго учредительнаго собранія 1789 года“.

Желаніе націи имѣть свой голосъ въ обсужденіи собственныхъ дѣлъ было вскорѣ же сочтено преступнымъ новшествомъ.

Разсказываютъ, что Побѣдоносцеву „удалось объяснить своему державному ученику мистическій смыслъ повиновенія не только въ законъ, но и за совѣсть“. Враги всякаго проявленія общественности, гасители духа

торжествовали: они вырвали побѣду. Лорисъ-Меликовская попытка примиренія культурныхъ классовъ съ бюрократіей и абсолютизмомъ не увѣнчалась успѣхомъ.

Врядъ-ли, однако, такая попытка и могла удасться, но характерно, что ея неосуществленію помогали революціонеры изъ самого правительственнаго лагеря—поборники начала „истиннаго самодержавія".

Назначенное новое совѣщаніе для разсмотрѣнія проекта Лорисъ-Меликова не состоялось.

Лорисъ-Меликовъ уходилъ съ своего поста въ опалу. Скорпіоны реакціи обрушились на „конституціонныя вѣянія", разыскивая всюду крамолу, роя собственными руками все глубже и глубже ту пропасть, на одной сторонѣ которой очутилось общество, на другой правительство.

Темныя силы торжествовали, справляя побѣду, но торжество это могло быть лишь временнымъ. Позоръ Артура и Цусимы уже подготовлялъ весь ходъ русской государственной жизни, отрѣшенной отъ живыхъ элементовъ общества и пораженной трупнымъ ядомъ разлагающагося приказнаго строя. Времена перемѣнились, но о наступленіи этой перемѣны узнало послѣднимъ само правительство...

СОДЕРЖАНІЕ:

I.

Самодержавіе и неограниченность. — Тождественны-ли эти два понятія? Самодержецъ ограниченный и самодержецъ неограниченный.—Мнѣнія Сперанскаго, проф. Коркунова и А. Т. Градовскаго. Правомѣрность и законность.--Историческій путь.--Россія и Западъ. Стр. 3—9.

II.

Попытки бояръ ограничить самодержавіе въ XVII вѣкѣ. — Перевороты XVIII вѣка.— Усиленіе аристократіи и переходъ власти въ ея руки.—Екатерина I и Верховный Тайный Совѣтъ.—Петръ II и Самодержавный Тайный Совѣтъ. Стр. 10—16.

III.

Тайный Совѣтъ во главѣ управленія.—Пункты ограничивающіе самодержавіе Анны.—Условія, на которыхъ Анна вступила на престолъ.—Дѣйствія верховниковъ и причина ихъ неуспѣха. Стр. 17—24.

IV.

Екатерина II и попытки ограниченія самодержавія. —Проектъ конституціи И. Панина и Е. Р. Дашковой. —Отъ либерализма къ реакціи. —Павловская эпоха.—Произволъ и самовластье,—Александръ I и Лагарпъ. Стр. 25—33.

V.

Конституціонныя вѣянія.—Ограниченіе самодержавія Александра I.—Работы Сперанскаго.—Правительство и общество.—Возникновеніе тайныхъ обществъ. —Проектъ Новосильцова. — Политическая жизнь пробуждается. Стр. 33—43.

VI.

Междуцарствіе.— 14-е декабря 1825 года.—Демонстрація общественныхъ силъ.—Къ чему стремились декабристы?—Эпоха николаевскаго царствованія.—Начало шестидесятыхъ годовъ и эпохи великихъ реформъ. Стр. 43—50.

VII.

Реакція семидесятыхъ годовъ.—Попытка примиренія абсолютизма съ культурными классами.—Лорисъ-меликовская „конституція“.—Подписаніе акта Александромъ II.—Новый пересмотръ.—Шаги назадъ.—Отголоски Артура и Цусимы. Стр. 51—59.

Безплатное приложеніе къ „Биржевымъ Вѣдомостямъ“, второе изданіе,

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА,

состоящая изъ 52-хъ еженедѣльныхъ выпусковъ,

размѣромъ отъ 1 до 3-хъ печатн. листовъ (36 стр.—72 стр.) каждый,

подъ редакціей

профессоровъ И. И. Иванюкова, А. С. Посникова и В. П. Воронцова (В. В.).

1. Борьба за свободу во Франціи 1789—1793 гг.
2. Борьба за свободу во Франціи 1793—1799 гг.
3. Перевороты 1830 и 1848 г. во Франціи.
4. Освободительное движеніе въ Германіи, Австріи и Италіи въ 1848 г.
5. Политическія движенія въ Англіи въ 19-мъ столѣтіи.
6. Борьба за свободу въ Соединенныхъ Штатахъ С. Америки.
7. Развитіе японской культуры и государственности.
8. Земскіе соборы на Руси.
9. Попытки ограниченія самодержавія въ 18-мъ и 19-мъ столѣтіяхъ.
10. Общественные дѣятели 40-хъ и 60-хъ годовъ.
11. Народники и народовольцы.
12. Роль земства въ освободительномъ движеніи.
13. Наканунѣ освобожденія (исторія послѣднихъ двухъ лѣтъ, 1903—1905 г.).
14. Парламентскій строй въ Англіи.
15. Устройство Соединенныхъ Штатовъ С. Америки.
16. Государственное устройство и партіи современной Франціи.
17. Политическій строй и партіи современной Германіи.
18. Австро-Венгрія, политическій строй и національные вопросы.
19. Конституція второстепенныхъ европейскихъ государствъ.
20. Декларація правъ человѣка и гражданина.
21. Свобода слова и печати.
22. Свобода союзовъ и собраній.

23. Свобода совѣсти.
24. Неприкосновенность личности. Свобода передвиженія.
25. Монархія и республика.
26. Учредительное собраніе и конституція.
27. Одна или двѣ палаты?
28. Всеобщее, прямое, равное и закрытое избирательное право.
29. Устройство выборовъ и выборная борьба.
30. Политическія партіи на Западѣ и въ Россіи.
31. Либерализмъ и соціализмъ.
32. Конституціонно-демократическая партія.
33. Соціалъ-демократы и соціалисты революціонеры.
34. Охранительныя партіи въ Россіи.
35. Россія и окраины.
36. Русско-польскія отношенія и польскій вопросъ.
37. Россія и Финляндія.
38. Еврейскій вопросъ въ Россіи.
39. Женскій вопросъ.
40. Самоуправленіе и автономія.
41. Народное образованіе.
42. Земство и земское хозяйство.
43. Городское самоуправленіе и хозяйство.
44. Мелкая земская единица.
45. Государственное хозяйство и финансы Россіи.
46. Рабочій вопросъ и рабочее движеніе на Западѣ.
47. Рабочій вопросъ въ Россіи.
48. Земля и земледѣлецъ.
49. Земельная реформа.
50. Прямые и косвенные налоги.
51. Какъ собираются и расходуются народныя деньги.
52. Народный кредитъ и народныя сбереженія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА

„БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ“

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ

на 1906 годъ

съ безплатнымъ приложеніемъ 52 выпуск. „Политической Библіотеки“ и журналами „Новая Иллюстрація“, „Огонекъ“ и „Здравіе Семьи“

На годъ . . . . **5** р. — к.
На ½ года . . . **2** р. **50** к.
На 3 мѣсяца . . **1** р. **25** к.

Главная Контора: С.-Петербургъ, Галерная улица, собствен. домъ, № 40.